

Валерий Вайнин

Интервью в чёрно-белом цвете

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Вайнин

Интервью в чёрно-белом цвете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39153051

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11458-6

Аннотация

В отстойнике Горводоканала обнаружен труп молодого главпеца. Полиция придерживается версии: несчастный случай. Но журналист Игорь Могилевич, нарываясь на крупные неприятности, подталкивает следствие к версии: убийство. По стечению обстоятельств, Игорь уже точно знает, кто убийца, и пытается посадить высокопоставленного преступника на скамью подсудимых. Настырный журналист, как для органов правопорядка, так и для преступной группировки, замешенной в этом деле, точно кость в горле. Притом против Могилевича, отстаивая версию несчастного случая, интригует красотка Рита Володина, работающая с ним в одной газете.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	6
1	7
2	10
3	13
4	15
5	31
6	36
7	39
8	44
9	46
10	48
11	53
12	55
13	64
14	68
15	71
16	74
17	78
18	80
19	84
20	86
21	89
Глава вторая	92

1	93
2	97
3	100
4	104
5	109
6	112
7	116
8	124
9	127
10	133
11	138
12	143
13	149
14	153
15	157
16	161
17	164
18	172
19	177
20	180
Глава третья	183
1	184
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Валерий Вайнин

**ИНТЕРВЬЮ
В ЧЁРНО-БЕЛОМ
ЦВЕТЕ**

Глава первая

12 мая, понедельник

В полдевятого утра солнце, похоже, только разминалось, демонстрируя притом свою готовность сотрудничать с прессой. Рита Володина, поправив на переносице тёмные очки, проскочила на жёлтый свет и опустила стекло машины. Золотисто-рыжеватые волосы Риты, собранные в пышный «конский хвост», взъерошил ветерок и тотчас полез девушке за пазуху.

– Ага, щас! – осадила его Рита Володина и, прикрыв окно, глянула на свои часики.

Определённо, ей везло. То ли московские автомобилисты отсыпались еще после праздников, то ли так сошлись звёзды – но пробок на дорогах не было. Рита беспрепятственно катила по улицам и сетовала лишь на старенький свой «ауди», мотор которого стал барахлить. «Не подведи, чувак! – бормотала Рита. – Или я окажусь в жопе. Чтоб мне окосеть, завтра же свезу тебя в ремонт.» Поверил ли «чувак», не поверил – но барахлить временно прекратил. Теперь следовало сделать не слишком приятный, но основополагающий телефонный звонок. Выполнив лихой левый поворот, Рита покошачьи цапнула мобильник с приборной панели.

Хрипловатый мужской голос отозвался после первого же гудка, и Рита промурлыкала:

– С добрым утором, Анатолий Викторович. Это Володи-

на. Не разбудила?

Мужской голос произнёс неприветливо:

– Вообще-то, я на работе, стажёр Володина. А вы где, если не секрет?

Рита сыграла возмущение:

– На задании, Анатолий Викторович. Где ж ещё?

– Ух ты. Простите, не могу сдержать любопытство: и кто же даёт вам задания, Маргарита Евгеньевна?

Показав мобильнику средний палец, Рита вновь ухватилась за руль.

– Задания, конечно, даёте мне вы, Анатолий Викторович. И пожалуйста, не надо сарказмов. Я уверена, вы помните своё обещание. При свидетелях. Если у меня появится реальный информационный повод, то вы готовы рискнуть...

Из трубки донёсся не то вздох, не то стон:

– Как вы меня допекли! Всего-то за две недели! В данную минуту, Володина, у меня важная деловая встреча...

– Анатолий Викторович, у меня нет аккредитации! – Рита гуднула перебегающему дорогу пуделю. – Пожалуйста, если позвонят в редакцию, прикройте мою беззащитную попу.

В трубке повисла тишина, затем прозвучал настороженный вопрос:

– Что у вас там?

– Труп на Горводоканале, – отрапортовала Рита. – Плавает в бытовых отходах. Там следственная бригада работает. Только не докапывайтесь про мой источник, ладно?

После короткой паузы редактор усомнился:

– Кто же вас туда пустит, геморрой вы мой языкастый?

– Ха! Сам источник и проведёт меня за руку. Он у них типа главный. Ну как, Анатолий Викторович, замётано?

– А у меня есть выбор? – буркнул Анатолий Викторович и отсоединился.

Рита подмигнула своему отражению в зеркале. Мотор «ауди» в очередной раз чихнул, очевидно, выражая одобрение.

Почесав мобильником ухо, редактор откинулся на спинку рабочего кресла. Мужиком он был крепко сбитым и брил голову, дабы скрыть раннее облысение. Голова его притом выглядела, как шар для игры в боулинг с оттопыренными ушами, вздёрнутым носом и неуместными синими глазами. В данный момент глаза эти хмурились.

– Кстати, босс, – проворчал редактор, – ещё и за это вам нижайший поклон.

Собеседник, сидящий по другую сторону стола, скривил тонкие губы.

– По сценарию, вероятно, я должен спросить, что происходит.

Редактор неторопливо закатал рукав своей рубашки. Он был в джинсах, в кроссовках и держал себя соответственно.

– По сценарию, Геннадий Маркович, – он закатал второй рукав, – вы обо всём уже догадались и мне остаётся лишь послать вас подальше вместе с вашей протезе, затем подать в отставку. Или, по крайней мере, потребовать от вас, хозяин, дополнительный пакет акций для задроченного нашего коллектива. Зря ухмыляетесь, Геннадий Маркович: сделка честная. Ибо за две недели своего стажёрства Рита Володи-на умудрилась... Э-э... ладно, воздержусь от мата. Но как истинный джентльмен, вы могли бы компенсировать обществу

нанесённый вами ущерб.

С той же кривой усмешечкой Геннадий Маркович Беликов, владелец газеты, поднялся с кресла. Был он костляв, морщинист и лысину не брил. Вельветовые брюки и трикотажная водолазка, однако, сидели на нём безупречно.

– Беседа с вами, Анатолий, чертовски бодрит. По утрам – особенно. Кстати, вы заметили, что я ни разу не вмешался в редакционную политику?

Редактор, привстав, опёрся кулаками о стол.

– Спасибо, благодетель. Можем тиснуть вам оду на первой полосе. В красивой рамочке.

Усмешка Геннадия Марковича расширилась, демонстрирую желтоватые крепкие зубы.

– Если «ода», по вашему, означает «некролог», то я не тороплюсь. И возможно, успею ещё поделиться акциями с коллективом. Если Бог лишит меня разума.

Фыркнув, редактор опустился в кресло.

– Вы неподражаемы, босс.

– Знаю, Анатолий, вы меня цените. – Геннадий Маркович направился к двери. – Короче, мы оба на связи.

– А всё-таки, – бросил вслед редактор, – кто она вам, эта рыжая катастрофа? Внебрачная дочь, любовница? Проясним по-пацански.

Геннадий Маркович обернулся. Лицо его хмурилось каждой морщинкой.

– Не рыжая, а золотистая с рыжинкой, – уточнил он. –

Скулы высокие, серо-зелёные огромные глазищи и атласная кожа с едва заметными веснушками возле точёного носика. Чувственные, чуть припухшие губы. Зубы идеально ровные, белые как жемчуг... Закройте рот, Анатолий: в юности я увлекался живописью. – «Хозяин» перевёл дух. – А фигура! Грудь дразняще-упругая. Талия осиная, переходящая в лепные бёдра. Ноги стройные – чуть ли не из подмышек... Блин, я вполне понимаю моего партнёра по бизнесу, который за неё просил. Нормальный самец, предсказуемый. А вы, господин газетчик? Ах, Рита Володина! Ах, ужас!.. Что с тобой не так, мальчик? – С этими словами Геннадий Маркович толкнул дверь кабинета.

Оправившись от изумления, редактор рявкнул:

– Прелестница ваша по хребтам пройдёт, не споткнётся! Хотите пари?!

В ответ прозвучал лишь хлопок дверью.

Четырёхэтажное здание Артюхинской станции Горводоканала выглядело обшарпанным, но несокрушимым. Прилегающие к нему стальные ворота были приоткрыты и через них под контролем охранников сновал туда-сюда взбодраженный люд. Мест для парковки не хватало, и машины ютились на тротуарах, тесня пешеходов.

В одном из автомобилей, в салатовом «сузуки» с тонированными стёклами, скучали трое крепких парней. Один из них, в приталенной рубашке и брюках, сидя за рулём, лениво мусолил во рту зубочистку. Двое других, близнецы в спортивных костюмах с капюшонами, расположились сзади. В ногах у них, под сиденьем, притаились бейсбольные биты. Троица таращилась на ворота станции. Близнец с синяком под глазом заметил сонным голосом:

– Ментов навалило как грязи. Чё у них там за херня?

– Не ментов, а полицаев, – гоготнул близнец без фингала. – Следи за речью, Колян.

Парень за рулём переместил в губах зубочистку.

– Менты нам до печки. Хмырь по-любому оттуда выйдет. Определимся без хипежа.

– И сколько нам ещё определяться? – нахмурился близнец без синяка.

Парень за рулём, бывший у них за начальника, не ответил.

Он устался в окно, выронив зубочистку изо рта. Проследив за его взглядом, близнецы примолкли также.

Из припарковавшегося поблизости «ауди» выпорхнула рыжеволосая девица на шпильках в платье таком коротком, что платья вроде и не было. Только лишь ноги, притом какие!.. Парни в «сузуки», замерев, наблюдали за тем, как рыжая грациозно бежит и распахивает двери административного корпуса. Близнец с фингалом простонал мечтательно:

– Ух, я бы ей вду-ул!

Парень за рулём стряхнул оцепенение:

– Колян, ты на работе, бля.

– Так сколько нам тут загорать? – вернулся к своему вопросу близнец без синяка. – Остохренело уже.

Парень за рулём обернулся.

– Не надо Вова. Оплата почасовая, не нагоняй изжогу.

Близнецы переглянулись. Тот, что без синяка, полюбопытствовал:

– Как он различает, кто из нас Вова?

– Колян симпатичней, – гоготнул его брат. – Правда, Славик?

Парень за рулём, подобрав с коврика выпавшую зубочистку, сунул её в рот свежим концом. Он вполне осознавал, что иметь дело с близнецами – это не сникерс, бля.

Неуловимым движением Рита оправила на себе платье зелёное в горошек. Туфли и сумка, разумеется, были в цвет. Улыбалась Рита лучезарно, притом без кокетства, и, само собой, встречавший её зам районного прокурора, что называется, выпал в осадок. Невзрачный этот очкарик, лет за сорок, поправил галстук, скользнул по девушке масляным взором и едва не облизнулся. «Козёл долбанный!» – мысленно охарактеризовала его Рита, с той же ослепительной улыбкой полюбопытствовав:

– У меня что, гриб на лбу вырос?

Зампрокурора издал смешок.

– Вы сногшибательны, Маргарита, и если дадите мне шанс... – Он вдруг нахмурил бровки над очками. – Могли бы всё же приехать быстрее. Время поджидает.

Они остановились у проходной, и пожилая вахтёрша бдительно за ними наблюдала.

Рита пожала плечами.

– Николай Захарович, как только вы позвонили – я тут же помчалась. Можно сказать полураздетая.

Косясь на вахтёршу, зампрокурора хохотнул:

– Оно и видно. – И сделал строгое лицо. – Паспорт у вас при себе, надеюсь? Тогда поторопимся.

Небрежно махнув Ритиным паспортом, он провёл её че-

рез «вертушку». Пропуск не потребовался, вахтёрша лишь фыркнула им вслед. Рита резко сдала назад, пластично изогнулась и проворковала в служебное окошко:

– Глафира, у вас насморк? Могу радикально вылечить. Обращайтесь. – И, покинув обалдевшую тётку, догнала своего провожатого.

Зампрокурора притормозил в вестибюле, у доски объявлений.

– Проведём краткий инструктаж, Маргарита.

Девушка затрепетала ресницами.

– Я вся внимание, Николай Захарович.

Зампрокурора отвёл взор от её рельефной груди.

– Всё же вам следовало повесить пресс-карту.

– До бейджика ли мне было в такой спешке? – вспыхнула Рита. – Если у кого-то возникнут вопросы, пусть звонят редактору «Наблюдателя». Или могу развернуться и уйти – никакого инструктажа не понадобится.

Зампрокурора протестующе вскинул ладонь. Толкущийся в вестибюле народ без стеснения на Риту оборачивался. Николаю Захаровичу, похоже, это льстило.

– Вы прямо как порох, – пробормотал он. – Значит так. Сейчас мы выйдем, так сказать, к месту происхождения. Я вас представляю... Не отвлекайтесь, Маргарита. На что вы глазете?

Рита ткнула пальцем в листок на доске объявлений.

– Гляньте, какая прелесть! – И прочла: – «В соответ-

ствии с распоряжением правительства Москвы всем специалистам и руководителям Инженерно-технического Центра обеспечить чистоту телефонных аппаратов на рабочих местах, включая шнур телефонной трубки. Срок до 20-го мая. К лицам, не выполнившим данное распоряжение, будут применены меры административного воздействия». Далее подпись: «Начальник Управления технологического развития Карпов А.С.» Николай Захарович, можно, я это сорву и прихвачу на память?

Зампрокурора потянул журналистку за руку.

– Будьте серьёзней, Маргарита. Следственная бригада практически уже сворачивается, труп вот-вот увезут. Сейчас я представлю вас кому надо, вы покрутитесь там минуточку-другую, осмотритесь...

– Как это увезут?! Как это, минуточку-другую?! – запротестовала Рита.

Пройдя в вестибюль, они шагали по коридору к выходу на территорию станции.

– А к чему копать? Типичный несчастный случай по халатности. – Зампрокурора поправил на носу очки. – Сотрудник Инженерно-технического центра – главспец, мать его... брал пробу в камере гидросортировки ТБО для лабораторного анализа и поскользнулся, растяпа, на лестнице...

– Что такое ТБО? – уточнила Рита, цокая каблукчиками.

– Твёрдые бытовые отходы. – Николай Захарович ускорил шаг. – Поскользнулся на лестнице, долбанулся головой о сту-

пеньку и в отходы эти самые упал рожей. А там вода, как вы наверняка догадались. Вот и вся нехитрая история.

– Пьяный был? – обескураженно предположила Рита.

– Выясним, – пообещал зампрокурора, косясь на журналистку. – Вы, небось, рассчитывали на сенсацию? Уж извините, чем богаты.

Рита вздохнула.

– Ладно, работаем с тем, что есть.

Тут они ступили на стриженный газон. Солнце уже припекало. Невдалеке сгрудились полицейские машины, и профессионалы в штатском сновали внутри ограждения. Немногочисленные сотрудники водоканала, держась группками, негромко переговаривались и за ограждение, разумеется, не совались. Когда зампрокурора, приподняв жёлтую ленту, провёл Риту в запретную зону, все тотчас уставились на эту парочку. В том числе и полицейские. Один из них, в пиджаке, в джинсах и с не бритыми щёками, угрюмо двинулся к ним.

– Что за дела, Захарыч? – процедил он сквозь зубы. – Приключений на мою жопу ищешь?

– Капитан Кирко – следак без страха и упрёка, – невозможно представил полицейского Николай Захарович. – А это Маргарита Володина – корреспондент газеты «Наблюдатель». Прошу отнестись с уважением.

– Мне шаркнуть ножкой? – буркнул капитан.

Рита улыбнулась.

– Не надо, я сама. – Она сделала реверанс. – Опа, мы знакомы! Кстати, как ваше имя?

– Сергей Михайлович, – подсказал зампрокурора.

Рита прижала руку к сердцу.

– Сергей, я обещаю, что до окончания следствия не опубликую ни строчки, даже не пикну. Просто похожу, посмотрю что к чему и буду незаметной, как тень от мухи. Клянусь.

– Ну да, вас не заметишь, – слегка оттаял капитан.

– Серёга, не вредничай, – ввернул зампрокурора. – Надо сотрудничать с прессой.

Помедлив, точно взвешивая все «за» и «против», капитан со вздохом кивнул.

– Ладно, только в темпе. – И жестом пригласил журналистку следовать за собой.

Они прошли по газону метров двадцать, и за пышным, не вполне ещё распустившим листву, кустом сирени Рита чуть не споткнулась о покойника. В брюках и спортивной майке тот лежал на спине с закрытыми глазами, будто грелся на майском солнышке. Одежда на нём была мокрой, но волосы успели подсохнуть и завились в кудри. Нога с задравшейся штаниной была обута, ботинок с другой ноги валялся рядом. Рита застыла, до боли прикусив губу. Капитан Кирко наблюдал за реакцией журналистки с таким видом, словно она главная подозреваемая. Голос его при том прозвучал монотонно, как полицейский протокол, прочитанный вслух:

– Травкин Василий Васильевич, возраст – тридцать два

года, главный специалист отдела инноваций. В ночь с одиннадцатого на двенадцатое мая дежурил на Артюхинской станции Горводоканала согласно графику. Около шести часов утра, отреагировав на сигнал датчика о чрезвычайном загрязнении воды, поступающей из цеха в камеру гидросортировки ТБО, главспец пошёл брать пробу этой самой воды для лабораторного анализа. Это стандартная процедура...

– Следак без страха и упрёка, – не удержалась от колкости Рита. – Чешете, как по бумажке.

Капитан почесал небритую щеку.

– На том стоим. – И кивнул на пластиковую канистру, стоящую в головах покойника. – С этой вот посудой и отправился. В одиночку, что является грубым нарушением правил техники безопасности. На лестнице, ведущей к воде с плавающим мусором, чудик этот поскользнулся... – Что-то за спиной Риты привлекло внимание капитана. – В общем, пока всё. Остальное определит экспертиза.

Рита обернулась, и брови её поползли вверх.

В зону полицейского ограждения проникло новое действующее лицо. Покачивая портфельчиком, к ним приближался худощавый чувак в костюме с иголки и в модельных туфлях цвета «капучино». Мелькающие при ходьбе носки, расстёгнутая у ворота сорочка и, разумеется, портфельчик выдержаны были в той же цветовой гамме. Притом спину этот хлюст тянул так, будто проглотил билиардный кий. Но Ритин кошмар заключался в том, что у хренова плейбоя

на лацкане болтался бейджик с логотипом газеты «Наблюдатель». Зампрокурора выпрыгнул из-за куста как чёрт из табакерки.

– Кто разрешил?! – прошипел он полицейскому. – Что за бардак?!

Капитан Кирко поскрёб ногтём другую небритую щёку.

– Разрешил я. По просьбе моего бывшего начальника. – И буркнул подошедшему пижону: – Возникли ещё идеи?

Зампрокурора настороженно уточнил:

– Вы знакомы?

– Встречались, – подтвердил капитан. – Кто ж не знает Игоря Могилевича? Себе дороже.

Подошедший сухо произнёс:

– Здравствуйте, кого не видел. – Его каштановые волосы подстрижены были коротко. Худощавое лицо, тщательно выбритое, где-то уже загорело, а карие глаза, будто не замечая покойника, в упор смотрели на следака. – Идеи возникли. Пойдём, покажу кое-что.

– Перец ты въедливый, – посетовал капитан Кирко, уходя с пижоном.

Зампрокурора поправил очки.

– Что любопытно, – не скрывал он раздражения, – неприемное это дело привлекло сразу двух корреспондентов «Наблюдателя».

– Представьте, я тоже это заметила, – ожгла его взглядом Рита. – Но меня сюда привлекли вы, Николай Захарович.

Вам и отвечать за базар. А со своим коллегой, поверьте, я разберусь сама. – И, пока зампрокурора соображал, как отреагировать, она рванула по газону за удаляющейся парочкой.

У ленты ограждения Рита прихватила конкурента за рукав приталенного пиджака.

– Можно тебя на минутку?

Пижон и полицейский переглянулись. Капитан сказал:

– Минута, не больше. Или вам, ребята, придётся долго меня искать.

Рита потянула пижона в сторонку.

– Какого чёрта?! Это моё дело!

Пижон приподнял бровь.

– Простите, вы кто?

Рита скривила губы в усмешке.

– Уже две недели, Могилевич, мы работаем с тобой в одном СМИ. Но среди нас, букашек, ты мелькаешь, словно комета с павлиньим хвостом, недоступный и призрачный. Зовут меня Рита Володина. Будь умницей, не путайся под ногами.

Могилевич стоял, покачивая портфельчиком.

– Задание вам дал Фролов? – спросил он задумчиво.

– Кто ж ещё! – соврала Рита. – Теперь ты отвалишь?

Могилевич насмешливо поклонился.

– Катапультируюсь. – И вернулся к полицейскому. – В минуту мы уложились. Идём, Серёга.

Рита буравила взглядом их спины. Рядом прошелестел голос зампрокурора:

– Похоже, с коллегой вы разобрались не вполне.

Рита в досаде к нему обернулась.

– Не волнуйтесь, Николай Захарович: хлопот вам не прибавится.

Зампрокурора покачал головой.

– Хлопоты у нас общие, Маргарита. В интересах следствия, разумеется. Не откажетесь ли сегодня со мной отужинать? Чтобы обсудить нашу стратегию.

Выдержав паузу, Рита кивнула.

– Выбираю «Арагви». В интересах следствия.

– Закажу столик на полвосьмого, – просиял зампрокурора. – Надо же, чёрт побери, иногда расслабиться, а то сил не хватит без конца дерьмо расхлёбывать.

– Надеюсь, Николай Захарович, – нахмурилась Рита, – сегодня мы ещё похлебаем. У меня обязательства перед газетой. А тут ещё Могилевич хренов... – Она бросила взгляд на пижона и следака, зачем-то изучающих металлическую ограду, построенную вдоль канала. – На чьей вы стороне, Николай Захарович?! Скажите откровенно! – притопнула каблучком Рита.

Зампрокурора потрогал ободок своих очков.

– Обижаете, Маргарита. – Он деловито глянул на часы. – Сделаем так. Сейчас я познакомлю вас вон с тем папашей, жующим бутерброд. Это наш судмедэксперт. Пообщайтесь с

ним, задайте умные вопросы...

– А он не пошлёт меня в задницу? – усомнилась Рита.

Зампрокурора хмыкнул.

– Если Эпштейн вас пошлёт, это будет сенсация. Смелей, он поговорит с вами охотно. А я постараюсь – где-нибудь через часик – организовать вам встречу с Ракитиным, гендиректором Водоканала. Головной офис у них возле метро «Октябрьская», но в данный момент, козе понятно, Олег Тимофеевич примчался на разборку сюда. Воспользуемся. Он плотно работал с покойным Травкиным и наверняка сообщит вам что-то интересное для статьи. Притом подскажет с кем, конкретно, из сотрудников вам следует побеседовать. Сейчас, естественно, тут не до журналистов, так что не особо напирайте...

– По-вашему, я тупая? – вежливо уточнила Рита.

– Упаси Боже, – мотнул головой зампрокурора. – Через денёк-другой, если всё пойдёт по плану, никакой Могилевич вас не обскачет.

Рита поправила на нём галстук.

– Вы моя муза, Николай Захарович.

Зампрокурора посмотрел ей в глаза.

– Надеюсь, мне зачтётся.

– С процентами. – Рита взяла его под руку. – Подайте мне судмедэксперта.

Они двинулись по газону за ленту ограждения, и Рита предусмотрительно пропустила своего куратора вперёд.

Судмедэксперт, щуплый дядечка в спецовке, не спеша ел бутерброд и запивал чаем из термоса, используя капот автомобиля в качестве стола. Неподалёку, возле белого фургончика, сгруппировались четверо полицейских в форме. Они курили и шутили на солнышко, будто студенты на пляже. При виде приближающейся журналистки они примолкли и синхронно обернулись в её сторону. Зампрокурора испепелил их взором сквозь очки. Один из полицейских дурашливо отдал ему честь, после чего компания продолжила увлекательный трёп.

Зампрокурора улыбнулся судмедэксперту.

– Ефим Зиновьевич, эта девушка вас боится.

Дядечка в спецовке откусил от бутерброда.

– Вот что значит репутация. Сорок лет всех пугаю.

Прыснув, Рита протянула руку.

– Володина Рита, газета «Наблюдатель».

Дядечка слегка пожал её ладонь.

– Эпштейн, фокусник-иллюзионист. – Он глянул в сторону металлической ограды, возле которой копошились Могилевич и капитан Кирко. – Сегодня, похоже, все московские СМИ дуба дали. Остался лишь «Наблюдатель», и его элитный спецназ брошен нам на подмогу.

Зампрокурора вежливо осклабился.

– Так и есть, Ефим Зиновьевич. – Он приобнял Риту за плечи. – Не ответите ли девушке на вопросы? Кое-что по процедуре, ну и, так сказать, в общем...

– Запросто. – Судмедэксперт хлебнул из крышки термоса. – Сперва мы везём покойника в морг, потом – на кладбище. А если в обратном порядке, это нарушение процедуры.

Хохотнув, Рита взяла нахмурившегося зампрокурора под локоток.

– Ступайте, Николай Захарович. Мы тут сами.

Зампрокурора блеснул очками.

– Ладно. Встречаемся в вестибюле через полчаса. – Он зашагал к административному корпусу.

Проводив его ироничным взглядом, судмедэксперт обратился к журналистке:

– Чего вы от меня ждёте? В идеале.

– Если вас не затруднит, Ефим Зиновьевич...

– Короче. Я тороплюсь на пенсию.

– Не споткнитесь второпях, – огрызнулась Рита.

Ефим Зиновьевич глянул на неё с интересом.

– Этого и остерегаюсь. – Он стряхнул с себя хлебные крошки. – Осмотрите лестницу, где парень простился с жизнью. Бесплатно советую.

Рита встрепенулась.

– Конечно. Пойдёмте.

Судмедэксперт качнул головой.

– Детка, я вам не экскурсовод. Вон там, метрах в двадцати. Осмотрите и поделитесь со мной идеями. Если таковые возникнут.

– Попробую. – Рита двинулась в указанном направлении.

Лестница, прикрытая кустами жасмина, тотчас отыскалась. Рита приблизилась к ней с опаской. На вид ничего обескураживающего: ступени рифлёные, удобные поручни – всё из металла, отполированного до блеска. Нижним основанием эта конструкция примыкала к бассейну с плавающим мусором – от выпотрошенных холодильников и автомобильных шин до сучковатых брёвен, презервативов и пластиковых бутылок. Вот она – камера гидросортировки твёрдых бытовых отходов. Здесь упокоился тридцатидвухлетний главспец Василий Травкин. Плавал среди мусора. Риту передёрнуло.

На ступеньке лестницы, третьей снизу, слизистым пятном размазана была драная тряпка. На ней, судя по всему, главспец поскользнулся, ударился головой и... Тут Рита призадумалась. Она постояла, ещё разок осмотрела место происшествия и поспешила к судмедэксперту делиться мыслями.

Возле Ефима Зиновьевича меж тем топтались капитан Кирко и треклятый Могилевич. На руках капитана белели латексные перчатки, а у ног его, на траве, бугрился прозрачный пакет с четырьмя полуметровыми прутьями от металлической ограды. Могилевич уже уходил.

– В общем, я на связи, – обронил он следаку.

Не удержавшись, Рита вдогонку бросила:

– Костюмчик не испачкал, Игорёк?

Могилевич обернулся.

– Хотите почистить? Спасибо, я подумаю. – И продолжил путь, покачивая портфельчиком.

Капитан Кирко ухмыльнулся:

– У каждого свой гадючник. – Затем кивнул на пакет с ви-
тыми прутьями. – Стереги вещдоки, Зиновьевич. Пакуемся
через десять минут. – И по газону потопал к ожидающим его
полицейским.

Судмедэксперт ладонью разгладил морщины у себя на
лбу.

– Ну, и какие будут соображения? – поинтересовался он
у Риты, как бы продолжая прерванный разговор. – Вопросы
возникают?

Рита выпалила:

– Как на такой лестнице можно поскользнуться? Конечно,
если ты не пьян в стельку.

Ефим Зиновьевич пожал плечами.

– Пьян или нет, вскрытие покажет. Тряпку на ступеньке
заметили?

– Чушь собачья, – кивнула Рита. – Откуда она там взя-
лась? Из воды выпрыгнула?... О'кей, допустим, он поскольз-
нулся на тряпке. Если б он упал вперёд – нырнул бы лицом
в воду. Побарахтался бы и вылез. А если б упал назад...

– Именно так, – ввернул судмедэксперт. – У него раску-
рочен затылок.

– В таком случае, – подхватила Рита, – как он в воде ока-
зался? Должен был истечь кровью на лестнице.

– Не обязательно, – усмехнулся судмедэксперт. – После
удара затылком он мог встать, потерять сознание и рухнуть

в воду. Как вам такой вариант? Ступенька, кстати, в крови. Думаю, анализ покажет, что это кровь пострадавшего.

Рита закусил губу. Версия несчастного случая никак её не устраивала.

– А ботинок? – вспомнила она.

– Что «ботинок»?

– Почему второй ботинок не на ноге?

Судмедэксперт вновь посмотрел на журналистку с интересом.

– Налить вам чаю? Зелёного, с мятой.

– Где нашли второй ботинок, Ефим Зиновьевич?

– Он плавал рядом с трупом. Классный чаёк, рекомендую.

Рита не унялась:

– Что за железяки у вас в пакете, если не секрет?

– Вон, видите, – указал кивком судмедэксперт, – ограду ремонтируют. В пакете этом четыре прута, которые не успели приварить. Валялись у бордюра. И хватит вопросов, мой рот на замке.

Рита приняла у него крышку термоса с дымящимся чаем.

– Чёртов Могилевич, – пробормотала она, – сюжет мой крадёт.

Ефим Зиновьевич протянул ей бутерброд с омлетом.

– Ешьте, детка, расслабьтесь.

Рита мотнула «конским хвостом».

– Спасибо, не голодна. Думаете, одним из этих прутьев проломили главспецу башку, а затем столкнули...

– Ешьте омлет! – прикрикнул судмедэксперт. – Вы не завтракали, я вижу!

Рита не могла сопротивляться. Она впилась зубами в бутерброд.

Артём Карпов, мужчина дородный и флегматичный, не смея присесть, более часа подпирал плечом стену своего кабинета. Начальник Управления технологического развития Горводоканала, он, Артём, являлся непосредственным начальником главспеца Травкина, погибшего на дежурстве, и готов был, в соответствии своей должности и обстоятельствам, принять на себя громы небесные. А «громы» эти в лице гендиректора Ракитина, оккупирующего кабинет и рабочее кресло Артёма, ощутило набирали обороты. Примчавшись из центрального офиса с заботливой секретаршей, гендиректор экстренно проводил собственное дознание: как такое стряслось и кто допустил? Артёма Карпова шеф покамест демонстративно игнорировал, но можно было заключить пари на то, что «допустил» именно он, никто иной.

Гендиректор в свои пятьдесят пять внешнеюстью и манерами походил на университетского профессора. Высокий и подтянутый в безукоризненно сшитом костюме-тройке. Густая шевелюра, сидящая на висках. Приятный низкий голос, богатый обертонами. В данный момент голос этот нервировал машиниста грейфера Букина, обслуживающего участок сортировки крупногабаритного мусора. Букин, коренастый хмурый парняга, держался перед начальством стойко, если не сказать вызывающе. Заступая в утреннюю смену,

именно он обнаружил главспеца, плавающего среди мусора лицом вниз, и теперь Букин проклинал в душе свою неведуху.

Сутулясь в кресле, гендиректор смотрел, как инквизитор.

– То есть ты шёл к своему грейферу, заметил его, но в воду не полез. Интересно почему? Насморк подхватить боялся?

– Я говорил ментам: выглядел он как мертвяк. – Машинист взирал на свои башмаки. – Сколько повторять, Олег Тимофеевич? По кругу ходим.

– Послушай, Андрей...

– Тридцать лет я Андрей. Прессовать будете – уволюсь. Работу найду хоть завтра.

Возникла пауза. Два охранника за спиной Букина напряглись в ожидании команды.

Гендиректор возвёл глаза к потолку.

– Кому ты нужен, прессовать тебя. Просто я понять пытаюсь, был ли хоть какой-то шанс... – Голос его дрогнул. – Ладно, иди. Толку он тебя как с козла молока.

– Это, по-вашему, – буркнул машинист, выходя.

Охранники двинулись было следом, но гендиректор произнёс:

– Борис Иванович, минутку.

Оба развернулись у двери, уставившись на босса. Один пожилой, невзрачный, короткостриженный. Второй – чернобровый красавец богатырских размеров. Одеты в форму с логотипом Горводоканала.

Гендиректор потёр пальцами седеющий висок.

– Ничего подозрительного не замечали? – обратился он к пожилому охраннику. – Может, на станцию кто-то посторонний проник?

– Мышь не пробегала, – заверил чернобровый молодец.

Пожилой зыркнул на него, однако, смолчал. И гендиректор сказал ему доверительно:

– Борис Иванович, мне хотелось бы исключить любую дерьмовую возможность. Это ж беда какая!

Пожилой охранник прокашлялся.

– За мышь, конечно, не поручусь, мало ли... – произнёс он. – Может, что-то я проморгал. Давно здесь работаю – и на старуху бывает, сами понимаете... У Артёма Сергеевича небось тоже имеются ко мне нарекания. Все мы ошибаемся.

Безмолвный начальник Управления технологического развития, оторвав от стены затёкшее плечо, пробормотал:

– У меня никаких нареканий.

– И на том спасибо, – в пояс поклонился пожилой охранник.

Молодой не сдержал ухмылки.

Гендиректор хлопнул по столу:

– Не юродствуйте, Борис Иванович! Дело слишком серьёзное!

– Я не юродствую, Олег Тимофеевич. Просто не знаю, что вам сказать.

Повисло молчание. Затем гендиректор плеснул кистью

руки:

– Всё, не задерживаю. Соблюдайте обычный режим. – И когда дверь за охранниками закрылась, столь же раздражённо обратился к Артёму Карпову. – Ты тоже погуляй. Извини, что занял твой кабинет. Скоро свалю.

Шагнув к двери, Артём нерешительно поинтересовался:

– И какие будут оргвыводы?

– Насчёт тебя, что ли? – скривил губы гендиректор. – За херовую технику безопасности объявлю выговор в приказе и премию срежу. Чтоб служба мёдом не казалась.

– Только и всего? – расправил плечи Артём.

Гендиректор вздохнул.

– За кого ты держишь меня, Карпов? За дракона? Я и сам на твоём месте обосрался бы... – Тут в кармане у него заверещал мобильник. Гендиректор извлёк его, взглянул на дисплей и вновь плеснул ладонью: – Гуляй, Карпов. Скажи там Светке, пусть кофе сварганит. – Когда Артём вышел, Раки-тин торопливо на звонок отозвался: – Да, Илья Михайлович. Слушаю. – И слушал он минуты две, тщетно пытаясь вставить слово: – Илья Михайлович, тысячу раз пardon, но... Ей-богу, Илья Михайлович... – Наконец гендиректор гаркнул: – Илья, мать твою! Хер с ним, с тендером: у меня главспец погиб! Такой парень – энтузиаст, умница, один целого отдела стоил! Я просто в шоке... – В этот момент пышнотелая молодая блондинка внесла на подносе кофейник с круассанами. Вслед за ней вошёл зампрокурора и прикрыл дверь. – Изви-

ни, Илья Михайлович, ко мне стражи порядка. Перезвоню. – Ракитин сунул мобильник в карман пиджака.

Зампрокурора по-свойски уселся нога на ногу. Несколько мгновений царила тишина. Блондинка-секретарша в платье, демонстрирующем округлые колени и литой бюст, вопросительно воззрилась на шефа. Тот произнёс радушно:

– Думаю, Николай Захарович, тоже проголодался.

Секретарша, выходя, одарила визитёра улыбочкой:

– Вам кофе или чай?

– Кофе. Без сахара. – Зампрокурора блеснул очками ей вслед. – И где берутся такие ценные работницы?

– Места надо знать, – буркнул гендиректор. – Ну, чем ещё огорошите?

С ответом Николай Захарович помедлил. Сперва достал платочек и промокнул лоб.

Рита Володина прохаживалась по вестибюлю административного корпуса, сердито поглядывая на часики. Сотрудники водоканала, проходящие мимо, таращились на неё, как на экзотический плод в ящике с опилками. Такое внимание к себе Рита воспринимала как естественный радиационный фон, а вот хамское опоздание сперматозавра из прокуратуры её бесило. Договорились через полчаса – и где же этот милый шалунишка?

Скуки ради Рита задержалась у доски объявлений. Взгляд её нечаянно упёрся в листок формата А4, подписанный гендиректором Ракитиным О.Т. «Нравственно-этический кодекс работника Горводоканала», – прочла заголовок Рита и с возрастающим интересом принялась читать ниже: «Вступая в коллектив работников Горводоканала, я осознанно принимаю следующие правила:

«1. Добросовестно и с полной отдачей я тружусь на благо предприятия. Горводоканал – мой родной дом, где обо мне заботятся и меня защищают. И заботаюсь о своём доме, я работаю в нём хорошо».

Рита просто глазам не верила. Таких правил оказалось пятнадцать:

«2. Я дорожу честью своего предприятия, отстаиваю его интересы, забочусь о его позитивном имидже и безупречной

репутации.

3. Сотрудничаю с другими учреждениями и организациями, если это не наносит вред Горводоканалу.

4. Поддерживаю стратегию и приоритеты, выработанные руководством предприятия.

5. Соблюдая дисциплину, субординацию и нормы делового общения, я отделяю своих родственников и друзей от своих руководителей и подчинённых. Даже если это одни и те же люди, я отношусь ко всем в равной степени одинаково...»

Тут Рита не выдержала. Воровато оглядевшись, она сорвала с доски листок, сложила вдвое и спрятала в сумку. И в этот момент за спиной услышала голос зампрокурора:

– Извиняюсь, дела задержали. Наши с вами общие в смысле.

Вздрогнув, Рита обернулась.

– Николай Захарович! Вы подкрадываетесь, как вампир!

– Стараюсь, – улыбался зампрокурора. – Именем закона.

– Ха-ха, смешно! – сверкнула глазами Рита. – А я тут даже в туалет не смею отлучиться!

Зампрокурора с достоинством поправил очки.

– Зато, Маргарита, генеральный примет вас немедленно. Третий этаж, кабинет начальника Управления. Там на двери табличка.

– Николай Захарович, – журналистка застегнула пуговицу на его пиджаке, – вы не вампир, вы типа фея. Мне жутко с вами повезло.

– А мне – с вами. – Зампрокурора протянул ей пластиковую карточку. – Будете уходить, отдайте это на вахте. И на счёт ресторана... Я заказал столик в «Арагви» на полвосьмого.

«Недомерок похотливый», – подумала Рита и театрально закатила глаза:

– Предвкушаю!

– Куда за вами заехать?

– Никуда. Встретимся у входа. – Она двинулась через вестибюль. – Пока-пока, Николай Захарович!

Зампрокурора её нагнал.

– Вам не туда, Маргарита. Вам к лифту.

– Сперва в туалет, – отрезала Рита. – Если описуюсь перед начальством, это воспримется как подхалимаж. – Она зацокала каблучками, держа направление.

Сопровождать её зампрокурора не решился.

Гендиректор Ракитин сидел в кресле и доедал круассан, прижимая к уху мобильник. Стоящая за спиной секретарша массировала ему область шеи. Прожевав Ракитин произнёс в трубку:

– Я-то в теме, Илья Михайлович. А ты, похоже, не врубаешься... – Прикрыв мобильник ладонью, он шикнул через плечо: – Полегче, связки порвёшь. – Затем простонал в телефон: – Да понял я, понял. Займусь этим завтра же. А сегодня, повторяю, ситуация экстремальная.

Секретарша выдохнула шефу в затылок:

– Блин, Каретников – просто клещ.

Погрозив ей кулаком, гендиректор постарался свернуть разговор:

– Объяснить могу, разумеется. Но не по телефону... Да, готов подскочить в течении часа. Если ты на месте... Ладно, Илья, жди. – Отсоединившись, Ракитин изобразил, будто расколошматит сейчас мобильник о стену.

– Не мужик – пиявка, – посочувствовала секретарша, накрыв грудью плечо шефа.

В дверь постучали, и на пороге возник журналист Могилевич с портфельчиком. На долгое мгновение все застыли, затем секретарша ринулась наперехват:

– Кто разрешил?! Выйдите немедленно!

– Простите, я без разрешения. – Могилевич указал на свой бейджик и, словно в танце, деваху обошёл. – Олег Тимофеевич, не могли бы вы пять минут посотрудничать с прессой? Надеюсь, к пользе нашей взаимной.

Цепким взором Ракитин зафиксировал безукоризненный костюм журналиста, дизайнерскую сорочку и модельные туфли, после чего приветливо улыбнулся.

– Ну, если к пользе...

– Наглость какая! – не отступила секретарша. – Передохнуть не дают!

Загорелое лицо Могилевича оставалось невозмутимым, лишь губы слегка скривились.

Гендиректор побледнел от гнева.

– Светлана, оставь нас, пожалуйста. Спасибо заранее.

– Как скажете! – огрызнулась секретарша. Но дверь за собой прикрыла бесшумно.

Ракитин со вздохом развёл руками.

– Распустил я их, каюсь... Странно, что вы представляете «Наблюдатель». Меня предупредили, что из «Наблюдателя» зайдёт молоденькая девушка.

Могилевич пожал плечами.

– Я не девушка, точно.

– Уж вижу. – Гендиректор указал на стул. – Прошу.

Игорь сел, положив портфель на колени.

– Вопросы у меня всего три. Ответите – и меня здесь нет. Договорились?

Потерев седеющий висок, гендиректор всмотрелся в бейджик журналиста.

– Ах, ну да. Вы тот самый Игорь Могилевич – опасный, как гремучая змея. Для коррупционеров, разумеется.

– Не только, – уточнил Игорь.

Гендиректор улыбнулся с прищуром.

– И что вас привлекло к нашему трагическому, но отнюдь не резонансному случаю? Ведь дело здесь не в вашем, так сказать, амплуа, верно?

– Амплуа я решил сменить: надоело, – доверительно сообщил Игорь. – Хочу написать о превратностях жизни главсепа. С вашей помощью, Олег Тимофеевич, если не откажете.

Взгляд Ракитина пронизывал, как рентген, но голос прозвучал благодушно:

– С одной стороны, мне как-то даже лестно, с другой...

Прервал его шум за дверью, завершившийся появлением Риты Володиной, на плече которой едва ли не висела секретарша. Застыв при входе в кабинет, они образовали эффектную скульптурную группу. «Куда вы прёте?!» – шипела притом блондинка, и рыжая в ответ сверкала глазами: «Ручонки уберите, мне назначено!» Затем обе умолкли, резко разъединившись: секретарша захлопала ресницами в сторону шефа, а Рита воззрилась на Могилевича, будто увидела призрак.

Гендиректор скривил губы.

– Вот, наконец, и девушка. Двое из «Наблюдателя».

Игорь кивнул.

– У нас в редакции свои заморочки. Мы их уладим, проблем не будет.

– Поверю на слово, – улыбнулся Ракитин, на которого внешность Риты произвела впечатление не меньшее, чем костюм Могилевича. – Сделаем так. – Гендиректор взглянул на часы. – Времени у меня в обрез, поэтому вы, – обратился он к Рите, – приедете в центральный наш офис, там поговорим. Если, конечно, вы, – покосился он на Игоря, – уладите свои заморочки.

Рита испепелила Могилевича взглядом.

– Уладим, мало не покажется! – И распахнула глаза на Ракитина. – Когда мне приехать, Олег Тимофеевич?

Секретарша фыркнула.

Гендиректор улыбнулся.

– Хоть завтра. Созвонитесь со Светланой, – кивнул он на секретаршу, она всё устроит. Надеюсь, вы не подерётесь.

Секретарша пробормотала, что не обещает, после чего обе девушки хмуро покинули кабинет.

Ракитин потянулся в кресле.

– Ну, как я это разрулил?

Могилевич показал большой палец.

– Мастерски. Могу я задать свои три вопроса?

– Только в темпе, – вздохнул гендиректор. – Как вам удалось оказаться здесь столь оперативно, вы, конечно же, со-

храните в секрете.

– Само собой, – подтвердил Игорь. – Вопрос первый. Могу ли я побродить по ИТЦ и поговорить с сотрудниками, хорошо знавшими Травкина?

Брови гендиректора приподнялись.

– Вообще-то, господин журналист, у нас режимное предприятие. Бродить кому попало здесь не положено.

Игорь чуть подумал.

– А если в сопровождении? Олег Тимофеевич, меня интересуют взаимоотношения покойного с коллегами по работе. В этой области, полагаю, Горводоканалу скрывать нечего.

Гендиректор также подумал.

– В сопровождении, пожалуй. На сколько дней вам выписать пропуск?

– Недели на три?

– Ничего себе! Вы что, роман писать собираетесь?

– Олег Тимофеевич, судите сами. Кого-то из сотрудников я застану не сразу. Чьи-то слова придётся проверять. Чего-то я просто не пойму и обращусь, если позволите, к вам за разъяснениями. Три недели – срок небольшой.

Ракитин барабанил пальцами по столу.

– Ещё и разъяснения вам подай. Ладно, допустим. Озвучьте следующей ваш вопрос.

Игорь перевёл дух. Оставшиеся вопросы значения не имели и были нужны лишь для отвода глаз.

Куст боярышника у входа в административное здание почти распустил кружевные листочки. За кустом этим, словно хищник в засаде, щуря серо-зелёные глаза, притаилась Рита Володина. Золотистые её волосы, собранные в «конский хвост», казалось, излучали электричество. А неподалёку, на тротуаре, хлопотунья-бабуля кормила голубей, кроша сдобную булку. Голуби клевали с достоинством. «Народ охренел! – подумала Рита. – Заголовок для статьи». За этими наблюдениями она едва не проморгала спустившегося с крыльца Могилевича. Шагнув из-за куста, Рита заступила ему дорогу.

– Что ты вообще творишь? Звёздной болезнью маешься? Могилевич оглядел её, будто видел впервые.

– О чём вы?

– Это моё исследование! – притопнула каблучком Рита. – Моё, понял!

Могилевич стоял, покачивая портфельчиком.

– Простите, но я значительно вас опережаю. Так уж получилось. Разумеется, вы вправе объяснить это моей «звёздной болезнью», глобальным потеплением или падением курса рубля. Могу я идти?

Рита слегка опешила, что случилось с ней нечасто.

– Ах, пardon! – сказала она. – Ты со мной на «вы»: дистан-

цию держишь. Конечно, я всего лишь провинциалка из Твери – амбиций выше крыши, но достижений пока никаких.

– Так и напишут на вашем надгробии, – подхватил Могилевич. – Трогательная история, берущая за душу.

Щёки Риты вспыхнули, и румянец растёкся по лицу, поглотив веснушки возле носа.

– Слушай, звезда журналистики... Задание мне дал Фролов, сколько ещё повторять...

– Вот с Фроловым и разбирайтесь, – парировал Могилевич. – Посоветуйте ему сослать меня в Тверь, дабы уравнивать шансы. Если заартачится – включите своё неотразимое обаяние.

Рита глянула на него с прищуром.

– До чего же хочется набить тебе морду.

– Не сейчас, – изобразил поклон Могилевич. – Если других проектов у вас не заготовлено, разойдёмся по углам. – Он зашагал к бордовому «вольво», качая портфельчиком.

Сквозь толчею голубей Рита в ярости ринулась к своей машине. Перед ней голуби, не желая взлетать, разбегались как тараканы.

Троица в салатовом «сузуки» следила за экспрессивным общением Риты с Могилевичем. Близнецы на заднем сидении опустили на лбы капюшоны и потянулись к бейсбольным битам. Один из них, с синяком на скуле, простонал:

– Неужели я никогда ей не вдую? Хоть разок!

Брат пихнул его локтём.

– Колян, сконцентрируйся. – И обратился к парню за рулём: – Ну чё, Славик, погнали? Айн, цвай, драй – и нас нет.

Но Славик, мусоля зубочистку во рту, с приказом медлил.

– Народу многовато, – буркнул он, оглядевшись. – И менты маячат.

– И ветер, бля, дует, и деревья качаются, – подхватил тот же близнец, следя за тем, как Могилевич садится в машину. – Долго будем суходрочкой тут заниматься?

Славик старался проявить терпение. Старался изо всех сил.

– Порой, Вова, полезно и подрочить, – заметил он, включив зажигание. – Мне велено отправить в госпиталь. Без шулера. Если запалимся, виновата моя жопа. Врубается? – Славик вырулил на дорогу.

Вова хмуро промолчал. А близнец его, с синяком на скуле, таращась на отъезжающий «ауди» Риты Володиной, с тоской проговорил:

– Не за той тачкой, мужики, тащимся. Гадом быть.

Комментариев на эту реплику не последовало. Салатовый «сузуки» с тонированными стёклами, держа расстояние в три-четыре машины, покатыл за «вольво» Могилевича.

Игорь не спеша ехал в правом ряду, прокручивая мысленно разговор с гендиректором. Встреча прошла, в общем-то, без сюрпризов, и план действий вполне определился. Сбивал с толку лишь салатовый «сузуки», назойливо маячивший в хвосте. Стоило Могилевичу изменить скорость или перестроиться на поворот, «сузуки», будто приклеенный, выполнял тот же манёвр. «Это не ракитинские, – рассудил Игорь. – У Ракитина пока нет оснований. Да и времени на эту хрень практически не было. Тогда кто?» Тут в кармане пиджака затренькал мобильник. Когда Игорь отозвался, в ухо плеснул бодрый женский голос:

– Ой, Игорёк, как я рада! Ты уже в Москве?

Игорь поморщился.

– Да, Вика, я в Москве. В данный момент за рулём.

– Ой, ну извини. Я просто хотела сказать, что в Самаре у нас проливной дождь, и я... счастлива, что мы с тобой познакомились.

Резко перестроившись, Игорь нырнул под жёлтый свет и помчался по широкой улице. В зеркале заднего вида маячил тот же «сузуки».

– Простите за откровенность, – ответил Игорь в трубку, – но ваших восторгов я не разделяю. Притом рискую угодить в ДТП. Мелочь, конечно...

– Ой, что я за дурёха! Перезвоню позже. Целую. – Голос пропал.

Игорь меж тем фиксировал в зеркале неотвязный «сузуки». Работа явно топорная. Не профессионалы. Или нагло давят на психику. Но какого хрена?

Игорь свернул на заправку и, выстояв маленькую очередь, залил полбака бензином. «Сузуки» скромно притулился в сторонке. Записав номер машины, Игорь покатил дальше. «Сузуки», конечно же, устремился следом.

Демонстрируя беспечность, Могилевич притормозил у «Ароматного мира», где купил бутылку французского коньяка. «Сузуки» терпеливо ожидал у выезда с парковки, причём экипаж его никак себя не обнаруживал. Стоило, однако, Игорю тронуть «вольво» с места, хвост его тоже мешкать не стал. Всё это походило на игру для слабоумных.

На шоссе Могилевич резко повернул вправо, помчался по знакомому переулку и через подворотню въехал в широкий двор. Двор этот, тенистый и тихий, венчали две арки, открывающие пути на две пересекающиеся улицы. Миновав одну из арок, Игорь проехал метров двести и оказался на прежнем шоссе. Но уже без хвоста. Для страховки он ещё поглядывал в зеркальце, однако «сузуки» исчез.

Вскоре Могилевич въехал в другой тихий двор, где припарковался у лестницы, ведущей в полуподвал с бронированной дверью. Сбежав по ступенькам, Игорь набрал код на цифровой панели и вошёл внутрь. По коридорчикам, по-

ходим на лабиринт, он прошагал в спортивный зал, хорошо освещённый и проветренный, притом оборудованный без излишеств. Четыре боксёрских мешка, разновеликие гантели, турник и тренажёр для качания пресса. И разумеется, несколько матов, плотно сдвинутых для отработки приёмов рукопашного боя. Кроме того, оставалось пространство для коротких пробежек. Не спортзал – мечта. К тому же здесь имелись раздевалки со шкафчиками, душевые кабинки и стиральная машина с сушилкой. И владелец всего этого хозяйства, одетый лишь в трусы-боксёры, тренировался сейчас в одиночестве.

Среднего роста, мускулистый в меру, он подпрыгивал на матах, крутя обратное сальто в воздухе. Оборот за оборотом непрерывно, без видимых усилий. Казалось, мужик парит в невесомости, но в теле его ощущалась мощь артиллерийского снаряда. Ничуть не запыхаясь, он обратился к вошедшему Игорю:

– Переодевайся. Я думал, ты в Самаре.

– Прилетел ночью. – Сняв обувь, Могилевич сел на скамью у стены. – Привет, Машина Для Убийств.

– Здрóво, Клеветник России. Тренироваться будешь или глазки строить?

Они чуть заметно улыбнулись друг другу.

– Сегодня пропущу.

– Тогда зачем пришёл?

– По привычке. Переоценил, похоже, свой бойцовский

дух.

Они помолчали. Владелец спортзала пригладил свои короткие, мокрые от пота, волосы. Грубоватое лицо его с живыми серыми глазами выразило тревожное внимание.

– Ух ты. Может, расскажешь?

– Что рассказывать, Гриша? Я в таком дерьме, что от меня смердит за километр. Ты, видать, нюх потерял. – Могилевич встал и направился к двери. – Теперь, мать твою, буду исправлять то, что уже не исправить. Стезя такая. – Он влез в туфли.

Владелец спортзала уточнил деловито:

– Я понадоблюсь?

– Наверняка. – Игорь завязал шнурки. – Со дня на день.

Тут в дверях возник усатый атлет в таких же трусах, как на владельце зала. Глаза молодца задиристо поблёскивали и мышцы прямо-таки играли, когда он плечом подвинул Могилевича.

– Не стой на проходе, газетчик. Делом займись.

Владелец зала глянул на вошедшего исподлобья. Игорь ткнул пальцем в рельефную грудь молодца:

– Тренируй мозги, Лёша. Хоть раз в неделю. – С этими словами он вышел.

Лёша огрызнулся вслед:

– Свои мозги проверь, умник!

Владелец зала шагнул на сдвинутые маты.

– Работать будем или языки чесать?

Усач также встал на маты.

– Конечно, тебе, Гриша, видней. Но я бы его ограничил...
– Фразы он не завершил, ибо в результате молниеносного броска рухнул на спину. – Гринь, ты чего? – произнёс он ошеломлённо.

Владелец зала отчеканил:

– Капитан Лапин, не раззевайте варежку. Работаем броски.

Изогнувшись в прыжке, капитан Лапин встал на ноги и принял боевую стойку.

– О'кей, майор Агапов. Но лично я отрабатываю удары. А вы, товарищ майор, если хотите...

Неуловимым движением майор Агапов бросил капитана через спину и, когда тот (уже не столь проворно) поднялся, душевно предупредил:

– Работать удары, Лёха, не советую. Неподходящее у меня настроение.

В салатовом «сузуки» царил полный раздрай. Сидящий за рулём Славик терял контроль над ситуацией. Бронебойные матюги близнецов заставили его резко притормозить у тротуара. Все трое ещё продолжали зыркать по сторонам, однако смирились уже с тем, что бордовый «вольво» на хрен пропал. Близнец Вова пятернёй ткнул в спину Славику.

– Сказал же тебе, сворачивай! А ты, чмо, чешешь, как обдолбанный! И чё теперь, блин?!

Побагровевший Славик обернулся.

– Кому ты «чмо» лепишь?! Мне, что ли?!

– Кому ж ещё! Не ты, скажешь, его прохерачил?!

«Если б только прохерачил! – затосковал душой Славик. – Сучок наверняка нас засёк, а вот это уже проблема». Вслух, разумеется, ничего подобного он не объявил. Тем более что Колян, близнец с фингалом на скуле, слегка разрядил обстановку.

– За бабой гнать надо было! – гоготнул он. – Не упустили бы, зуб даю!

– Глохни, мудило! – Брат двинул ему по рёбрам.

И тут же получил сдачи:

– Сам глохни, задрот! Развонялся!

Пока близнецы пихались сзади, Славик более-менее привёл мысли в порядок. Как ни крути, настал момент позво-

нить, покаяться и получить указания. Клизмы, ясен пень, не избежать, но за это, бля, ему платят. Славик достал из бардачка телефон.

– Тише там! – буркнул он через плечо. – Чтоб ни звука!

Близнецы матюгнулись вразнобой, но примолкли.

Когда Славик набирал номер, пальцы его подрагивали.

По дороге в редакцию мотор «ауди» вырубался дважды. Пересчитав деньги в кошельке, Рита Володина скрепя сердце позвонила двум своим автослесарям, пускающим при встрече с ней столь обильную слюну, что можно было утонуть. Ну и ладошки, дрожите себе на здоровье. Играючи Рита поддерживала в Гураме и Вадике сексуальное напряжение, и те брали за работу, можно сказать, чисто символически.

На сей раз трубку снял Вадик. Неуклюже посюсюкал, выяснил что к чему и обнадёжил: «Приезжай, без проблем». За эту отзывчивость Рита полминуты с ним пококетничала. Притом настроение её не поднялось ни на градус.

До редакции она добралась, что называется, на честном слове и припарковалась на диковато-безлюдной служебной стоянке. Здесь запросто зарежут средь бела дня, фантазировала Рита, и труп склюют вороны. В таком бодром состоянии духа она ворвалась в небольшой отреставрированный особнячок, на двух этажах которого (в тесноте, да не в обиде) разместился коллектив «Наблюдателя».

Охраны здесь не было – только стальные двери с цифровым кодом, с видеокамерой и звонком для посторонних. Рита, разумеется, знала код.

В бесчисленных комнатухах, большей частью открытых, словно пчёлы в улье, копошились сотрудники, готовые

ближайший номер газеты, которая выходила трижды в неделю: понедельник, среда, пятница. С некоторыми сотрудниками Рита успела коротко познакомиться, некоторых просто знала в лицо, а кое-кого не смогла бы отличить от посторонних. За считанные дни своей работы стажёрка Володина, однако, обзавелась двумя поклонниками – не последними людьми в газетной иерархии. С одним из них в данный момент она едва не столкнулась, взбегая по лестнице на верхний этаж.

Лев Боков, тридцатидвухлетний экономический аналитик, театрально раскрыл объятя. Он был в мятых брюках, допотопных сандалетах, и рубаша навыпуск облегла его животик. И, как обычно, от Бокова несло потом.

– Душа моя! – попытался он облапить девушку. – Не одолжишь ли мне тыщонки две-три? На пару дней буквально.

Рита поднырнула под его руку.

– Не могу, Лёва. Тачку чинить надо.

Оказавшись ниже на ступеньку, экономический аналитик вновь потянулся с объятиями.

– Наплюй на тачку. Ты ведь меня любишь.

– До обморока. – Рита поднялась ещё на ступеньку. – Фролов на месте?

– Уклоняешься от темы. – Вразвалку Лёва потопал вниз.

– На месте или нет? – повторила вопрос Рита.

– Не скажу. Я вредный.

Пришлось разведывать самой. Благо, редактор «Наблюда-

теля» не держал секретаря и доступ в его кабинет обычно был открыт. На сей раз, однако, дверь затворена была плотно. Пока Рита колебалась «входить, не входить», из кабинета выпорхнула Лида Богарт – художник-график, Ритина соседка по рабочей комнате. Миниатюрная блондинка, в светлом брючном костюме она выглядела, как фарфоровая статуэтка.

– Сильно занят? – осведомилась Рита.

– С рекламщиками бодается. – Лида зацокала каблучками по коридору.

– Сколько ждать? – уточнила Рита. – Может, я родить успею?

Вопрос её прозвучал в пустоте. Косясь на свои часики, она прошла перед кабинетом. Затем приоткрыла дверь и заглянула. Над раскиданными по столу бумагами склонились хипповатые парень с девахой. Всклобоченные их волосы, будто облако, прикрывали лысину редактора. С интеллигентной сдержанностью парень урезонивал: «Анатолий Викторович, мы всего лишь пытаемся обрисовать новейшие...» – «Ребята! – перебил редактор. – Либо вы не в профессии, либо разводите меня как лоха!» – «Так мы ни к чему не придём», – печально упрекнула деваха. И Рита в досаде прикрыла дверь.

Решительно, ей перестало нынче везти. Чёрная полоса началась с появления Могилевича. Даже мотор «ауди» забрахлил как бы в предчувствии. Тряхнув золотистым «конским хвостом», Рита направилась в свою комнату. Ей встретился Виктор Даль – спортивный обозреватель, второй по-

клонник стажёрки Володиной. Выглядел он в соответствии со спецификой жанра: дизайнерские джинсы, кроссовки, тенниска и, само собой, модная небритость щёк. И глаза – ясные до опупения. Из-за этих самых глаз Рита соблаговолила уделить ему пару минут.

– Не спрашивай, где я была, – проворковала она, беря Виктора под руку. – Поговорим о погоде. На небе ни облачка, веришь ли.

– Я думал, ты уволилась, – заулыбался спортмастер.

– И солнце шпарит на саксофоне, – продолжала Рита. – Вот-вот сирень хлынет в душу, мерзавка такая.

Виктор прыснул:

– Неплохой текст.

Они шли по коридору, когда мимо них прошагали (отнюдь не под руку) Алла Симонян (миссис-новости) и тот же Лёва Боков. Чеканя гренадёрский шаг, Алла, пятидесятилетняя седеющая брюнетка, резко обронила:

– По-русски понимаешь?

Боков, будучи ниже на полголовы, заглядывал ей в глаза.

– Всего две-три тышчонки, душа моя...

– Нет, Лёва. Я хорошо тебя знаю.

Они свернули за угол, но запашок Лёвиного пота витал в воздухе.

Рита и Виктор Даль от комментариев удержались. Поклонник номер два галантно проводил стажёрку Володину до её рабочего места.

В комнате, за соседним столом, Лида Богарт вперила взор в дисплей компьютера, на котором мелькали разноцветные узоры.

– Глаза не устали? – посочувствовала Рита.

Художница отозвалась, не прервав просмотра:

– Ещё как.

– Может, перекусить сходим? – предложил Виктор. – Чтоб избежать дистрофии.

Но тут ввалился Лёва Боков.

– Вот кто кредитует меня парой тыщонок, – опустил он руку Лиде на плечо. – Или я покончу с собой.

Художница не оторвала взгляда от дисплея.

– Могу только до пятницы.

– В среду верну, – обрадовался экономический аналитик. – Ты моя вакцина против нищеты.

Лида придвинула к себе сумочку, извлекла две тысячерублёвые купюры и вручила Бокову, всё так же не отрываясь от дисплея.

– На ограбление смахивает, – фыркнул Витя Даль.

Лёва показал ему кулак.

– Молчи, спортянка. Свидетелей я ликвидирую. – Чмокнув Лиду в макушку, он исчез.

Лида сморщила вздёрнутый носик.

– Он что у нас... вообще не моется?

Повисло неловкое молчание.

– Как насчёт перекусить? – бодро повторил Виктор.

«Нет денег», – едва не брякнула Рита.

– Некогда, – произнесла она. – Фролова караулить надо.

– А после обеда нельзя?

Рита мотнула «конским хвостом».

– Пропущу момент. Зазеваюсь – в кабинете Могилевич
рассядется.

Художница и спортмастер воззрились на неё в недоумении.

– В смысле? – Лида Богарт даже оторвалась от компьютера.

Рита сдула со лба локон.

– Шутка. Пойду проверю, кстати. – И вышла, избежав распросов.

Редактор (на сей раз в одиночестве) изучал те же раскиданные по столу бумаги. Заметив в дверях стажёрку, он кивнул:

– Угу, входите.

Рита вошла.

– Сесть можно?

– Только не на шею.

– Ха-ха, смешно! – сверкнула глазами Рита. – Анатолий Викторович, почему бы вам не проявить ко мне уважение? Хотя бы в целях экономии времени.

Редактор отодвинул бумаги, провёл ладонью по бритой голове и взглянул на стажёрку синими глазами. Сквозь оттопыренные уши редактора просвечивало висящее в окне солнце.

– Сколько вам лет, Володина? Двадцать пять?

– Двадцать четыре, – поправила Рита, – в октябре стукнет. А что, нахальна не по годам? Тогда ближе к делу: проще будет.

Редактор подтянул закатанный рукав сорочки.

– Ладно, уговорили. Смотрю, слушаю и проявляю уважение.

До улыбки Рита не снизошла, лишь достала из сумки сложенный вдвое лист бумаги и протянула редактору.

– Вот, прочтите. Если можно, вслух.

Фролов развернул листок и пробормотал:

– «Нравственно-этический кодекс работника Горводоканала»... Что ещё за хрень?

– Анатолий Викторович, ёлки зелёные, можете вы просто прочесть?

Редактор в недоумении продолжил:

– «Вступая в коллектив работников Горводоканала, я осознанно принимаю на себя следующие правила поведения... Добросовестно и с полной самоотдачей я тружусь на благо предприятия. Горводоканал – мой родной дом, где обо мне заботятся и меня защищают. И заботаюсь о своём доме, я работаю в нём хорошо...» – Лицо редактора оживилось, голос обрёл артистичность. – «Коммерческие тайны, доверенные мне предприятием, я не разглашаю даже после своего увольнения. Во всех возможных случаях я повышаю эффективность работы Горводоканала, занимаю активную жиз-

ненную позицию и даю руководству объективную информацию... Способствую росту корпоративных ценностей, корпоративной культуры и духа сплочённости в коллективе...» Чтоб мне провалиться! – изумился редактор. – Это ж просто симфония!

– Прочтите последний пункт, – подзадорила Рита.

И редактор прочёл:

– «В случае завершения своей трудовой деятельности на предприятии я передаю накопленный опыт и знания моим последователям, чтобы сохранить и умножить интеллектуальное достояние Горводоканала. Я оставляю в душе самые светлые воспоминания о своей работе в Горводоканале.» Аминь! – заключил редактор. – Презентуйте мне сей шедевр, Володина. С автографом, желательно.

Рита выхватила у него листок, сложила и убрала в сумку.

– После публикации моей статьи, Анатолий Викторович. А пока попробуйте себе представить, что в этом Изумрудном Городе, среди бытового мусора, плавает труп молодого спеца. Видит Бог, я надеру им подгузники.

Впервые за две недели их знакомства Фролов посмотрел на неё с интересом.

– Рассказывайте. Но покороче: у меня дел по горло.

– У меня, представьте, тоже, – не удержалась Рита. Однако обрисовала ситуацию внятно и сжато.

Редактор задумчиво потёр переносицу.

– «Причинение убийства по неосторожности», – предуга-

дал он возможную статью УК.

– Не факт, – возразила Рита. – Не исключено просто убийство. Зацепки, вроде бы, имеются. Ждём результатов экспертизы.

Редактор во второй раз взглянул на неё с интересом.

– Ну что ж, полный вперёд. Как говорится, всё что могу.

Рита поднялась со стула.

– Ловлю на слове, Анатолий Викторович. Просьба пока одна: задвиньте Могилевича подальше. Чтоб под ногами не путался.

Брови редактора поползли вверх и остановились где-то посередине лба.

– Сядьте, – произнёс он жёстко. – И заполните лакуны в замечательном своём рассказе.

Ни в окрестности спортзала, ни далее на дороге салатовый «сузуки» не проявился. И никакого другого хвоста Игорь (даже при обострённой своей паранойе) не засёк. Сделав короткий звонок по мобильнику, он доехал до районного ОВД, где на парковочной площадке его ждал подполковник полиции Паршин – начальник этого ОВД. Это был пятидесятилетний лысеющий пузанчик с проницательными хитрющими глазами. Полицейская форма сидела на нём по-домашнему, и расстёгнутый китель словно приглашал поплакаться у него на груди. С неожиданным для его комплекции проворством подполковник скользнул в машину.

– Ну как? – полюбопытствовал он, прикрыв за собой дверцу. – Нормалёк?

– Более-менее, – кивнул Игорь. – Серёжа Кирко меня вспомнил, не вытурил, и мы с ним обсудили некоторые безумные мои соображения. – Игорь вручил подполковнику пакет с французским коньяком. – Спасибо, Юрий Данилович.

Начальник ОВД слегка нахмурился.

– Прекрати, свои ведь люди. – Он заглянул в пакет. – О-о, «Реми-Мартэн»! Споить меня пытаешься... Ладно, я рад, что помог хоть чем-то. – Подполковник приоткрыл дверцу. – Звони, если что понадобится...

– Уже понадобилось. – Игорь протянул ему вырванный из блокнота листок. – Можешь пробить номер этого «сузуки»?

Выпростав ногу наружу, подполковник Паршин поднёс листок к глазам и усмехнулся.

– Хвост, что ли, за тобой? И когда ты только успеваешь?

– Сам удивляюсь.

– Дело-то началось этим утром. И уже подвесили?

Игорь помедлил с ответом.

– Вряд ли. Скорее, кто-то из прежних.

Подполковник хлопнул его по плечу.

– Нет проблем. Но машина, сам понимаешь, может числиться в угоне.

– Уж как повезёт, – развёл руками Игорь. – Давай попробуем.

Подполковник кивнул.

– Жди, не скучай. – Захлопнув дверцу, он направился к зданию ОВД. Пакет с коньяком тёрся о его ляжку.

Могилевич опустил стекло, подставил лицо клонящемуся за деревья солнцу и позагорал этак полминутки, пока в пиджаке его не тренькнул мобильник. Опять Вика из Самары. Кляня себя за сексуальную опрометчивость, Игорь отозвался. И голос, невыносимо бодрый, окатил его радостью жизни.

– Ой, наконец-то дозвонилась! Связь кошмарная!

– Могла быть и похуже, – пробормотал Могилевич.

Однако его сарказм отскочил от девушки как от стенки горох.

– Игорёк, куда уж хуже! Жаль, что ты уехал до окончания дискуссии. Утром тема была «Проблемы журналистики в Нидерландах». Наш Варламов так схлестнулся с Франком Бродерманом – только искры летели.

– И разгорелось пламя, – ввернул меланхолично Игорь.

– Ой, не говори! – подхватила самарская журналистка. – Мы думали, их разнимать придётся. Помнишь Гаврилина из Питера...

– Вика, извините, – перебил Игорь, – я в полицейском участке. Меня в ограблении обвиняют. Застукали с поличным. – Он отсоединился, продолжая себя клясть.

Подполковник Паршин возник, заслонив солнце, и вернул ему листок из блокнота. Обратная сторона листа исписана была аккуратным почерком.

– Шумилин Аркадий Владленович, сорок три года, проживает в Москве. Там я записал его адрес и телефоны. – Начальник ОВД обмахивался рекламкой пиццы. – На Шумилина, если тебе интересно, зарегистрировано ещё две машины: «мерседес» и «тойота» – номера я также записал... Смотрю, ты прибалдел вроде. Знаешь его?

– А то! Бывший клиент.

– Может, тебе поспособствовать чем-то?

Игорь качнул головой.

– Спасибо, тут уж я сам.

– Ну, как скажешь, – не скрыл облегчения подполковник. – Тогда в качестве бонуса – мой тебе прогноз насчёт ка-

питана Кирко. Если с ним нароете что-то скандальное, дело у него отожмут. Серёга – парень правильный да с мозгами, но манёвренность у него – как у берёзовой чурки. Иначе давно бы до майора дослужился. А в данный исторический момент... – Махнув рукой, подполковник Паршин развернулся и через плечо обронил: – Так что рассчитывай на Кирко не особо.

Он направился к дверям ОВД, но Могилевич его окликнул:

– Не предскажешь ли заодно, кем Серёгу заменят?

Подполковник обернулся.

– Я не всех там знаю, но предположить могу. В стрёмном случае дело, скорее всего, передадут Зине Мельниковой. Она, кстати, майор. Безотказная ментовская сучка.

Игорь изобразил аплодисменты.

– Юрий Данилович, цены тебе нет.

– Цена моя, – подмигнул начальник ОВД, – бутылка «Реми-Мартэна». Хороший коньяк, слава Богу, дорожает.

Издав смешок, он засеменил на рабочее место.

Деловито и, можно сказать, в картинках Рита изложила редактору, как хамски обошёлся с ней Могилевич, как тор-мозил расследование и какой он вообще бяка. Речь свою она закончила убийственным аргументом:

– Мы с ним из одной газеты, Анатолий Викторович. Кон-курентия наша выглядит дебильно, притом бьёт по репута-ции «Наблюдателя».

Редактор озадаченно пригладил свой бритый затылок.

– Ни фиги не понимаю. Могилевич должен прилететь из Самары только завтра. Не досидел, значит, рожа...

– Где не досидел? – не удержалась от вопроса Рита.

– За международным круглым столом: «Журналистика при тоталитарных режимах». С какого бодуна очутился он вдруг на Горводоканале?

– Вопрос не миллион долларов, Анатолий Викторович. Надеюсь, вы вправите ему мозги.

Редактор хмыкнул.

– Ладно, Володина, работайте. И мне работать позвольте. Рита разочарованно поднялась.

– То есть это всё?

Из ящика стола редактор извлёк шоколадку и вручил ей.

– Вот, для повышения тонуса. Обещаю поговорить с ним по-мужски.

Пошуршав фольгой, Рита раздражённо куснула шоколад.
– Вы эффективный менеджер, Анатолий Викторович. Изошрённый, как фокусник Гудини. – Она пошла к двери.
– Лучше меня не бывает, – бросил ей вдогонку редактор.
Шоколадку стажёр Володина съела по пути к машине. Голод притупился, настроение чуть поднялось. Перейдя безлюдную служебную парковку, Рита завела барахлящий «ауди», который, по счастью, без эксцессов дополз до мастеров-умельцев Гурама и Вадика. Мастерская их располагалась в допотопном гараже на допотопной улочке, найти которую было непросто даже тем, кто искал автослесарей подешевле.

Когда Рита подъехала, из гаража как раз выруливал, едва не зацепив боком её машину, патлатый юнец на «ладе-каллине». Опустив стекло, Рита выдала ему положительную характеристику для вступления в брак с верблюдом. Юнец укатил безмолвно. Из глубины гаража меж тем явились Гурам с Вадик – плечистые, чумадые, в промасленных комбинезонах. Белозубые их улыбки так и просились на обложку таблоида. Рита хмуро вышла из машины. Гурам, демонстрируя римский профиль, покачал кудрявой головой:

– Клиентов распугать хочешь, да? Одна, что ли, нам бизнес сделаешь?

– Без проблем, – буркнула Рита. – Починка моей колымаги вас прокормит.

Вадик тоже решил поучаствовать в трёпе. Его русые во-

лосы, собранные в хвост, подметали воротник комбинезона.

– Если бы, – ухмыльнулся автослесарь, – это платице было ещё короче, от клиентов отбоя бы не было. Кроме шуток.

– Короче на сколько? – уточнила Рита, приподнимая подол. – Вот так? – Затем ещё приподняла. – Или так, чтоб уже с гарантией?

Вадик неуверенно произнёс «вау!». Гурам, побагровев, отвёл взгляд.

Рита, однако, не уgomонилась.

– А может, платишко вообще скинуть? Если обещаете дискаунт – только моргните. До трёх считаю: раз, два... – Она изготoвилась стянуть платье через голову.

Вадик замер, приоткрыв рот.

Гурам побагровел ещё гуще.

– Зачем так акцентируешь, слушай?

Рита одёрнула подол.

– Тогда, мальчики, займитесь тем, за что я вам плачу. – Она указала на свой «ауди». – Оцените фронт работ, а я пройдуь пока, ноги разомну. Когда вернусь, просто назовите цену. Без технической вашей белиберды.

Автослесари обалдело таращились на то, как она уходит, покачивая умопомрачительными бёдрами.

Подъезжая к дому, Игорь чуть не заснул за рулём. Сказалась, очевидно, бурная ночь с последующим шквалом событий. Из дремотного состояния Могилевича вывел звонок редактора на мобильный.

– Ты в Москве, говнюк, – проворчал знакомый до боли голос.

Игорь зевнул.

– Рита Володина уже донесла. Проворная девочка.

– И что с того?

– Старик, держи её от меня подальше. Командируй в культуру, чтоб из театров не вылезала.

Редактор хмыкнул.

– Такие же санкции она требует применить к тебе.

– Кто б сомневался. Толян, рядом со мной опасно, как в змеином гнезде.

Во время возникшей паузы Игорь припарковался у своего подъезда.

Голос редактора выразил беспокойство:

– Какого хрена ты забыл в Горводоканале?

– Не по телефону. – Игорь цепко огляделся, выйдя из машины. – Обсудим завтра в твоём кабинете. Потерпи.

Опять возникла пауза. Могилевич, беспечный внешне, двинулся к подъезду.

– Ладно, – буркнул редактор. – Почему ты слинял из Самары?

Игорь вздохнул.

– Скучно было до тошноты.

– То есть отчёта о круглом столе я от тебя не дождусь?

– Ей-богу, старик, оно того не стоит. Все эти бла-бла-бла...

– Ты дважды говнюк нашей газеты. – Редактор дал отбой.

Игорь осторожно вошёл в подъезд и, вновь оглядевшись, поднялся в лифте на седьмой этаж. Затем столь же осторожно по лестнице спустился на пятый. Стальная дверь его квартиры явных следов проникновения не демонстрировала. Стоило, однако, Игорю вставить ключ в замочную скважину, как из квартиры напротив явилась пожилая дама в брючном костюме и с сигаретой в зубах.

– С приездом, Игорь Петрович. – Она пустила дым колечком. – Как самочувствие?

– Без перебоев, Алевтина Витальевна. – Игорь чуть поклонился. – А ваше как?

– Тоже не жалуюсь. – Соседка стряхнула пепел. – Позвольте доложить диспозицию. Часа два назад здесь крутились трое придурков: двое – с надвинутыми на хари капюшонами, один – в нормальных штанах и рубаше. Заглядывали в «глазок» вашей двери, дёргали ручку и жали на кнопку звонка. Забавное кино, правда?

– Да уж, – нахмурился Могилевич. – Обхохочешься пря-

мо.

– Наконец я высунулась и предложила им помощь. – Пожилая дама вновь пустила дым колечком. – Тут они драпали, матерясь незамысловато. Не знаете, Игорь Петрович, чего эти недоумки хотели?

Игорь пожал плечами.

– Возможно, полы мне помыть и простирнуть бельё.

Соседка хихикнула по-девчачьи.

– Ну да, как я не догадалась! – Она попятилась в свою квартиру. – Осторожней, Игорь Петрович: у вас опасная работа.

– Алевтина Викторовна, – шагнул к ней Игорь, – в подобной ситуации, пожалуйста, впредь не высовывайтесь.

Дама ответила, исчезая за дверью:

– Так я вас и послушалась.

Могилевич повернул ключ в своём замке.

Гурам и Вадик вились перед Ритой выюнами, всячески демонстрируя услужливость. Рита, напротив, была с ними подчеркнуто холодна. В результате машину клялись отремонтировать к концу завтрашнего дня, денег взяли меньше, чем Рита предполагала, и потому кошелёк её опустел не вполне. Жаль только, домой пришлось добираться на метро, притом Верка оказалась дома, что вызывало досаду особую.

Рита столкнулась с ней в прихожей, не успев переобуться, и схлопотала дозу сердечного тепла. Вешая медицинский халат на крючок, Верка разродилась вопросом:

– Как прошёл день? Что было интересного?

Риту передёрнуло.

– А у тебя? – осведомилась она елейно. – У кого-то из пациентов прорезались рога? Или больничку твою прикрыли? Или ты разочаровалась в своём благородном призвании?

Верка заметно сдулась, но улыбку держала.

– Не разочаровалась, уж извини. Просто смена моя закончилась. – В свои сорок лет Верка, утомлённая и потускневшая, всё же до неприличия походила на покойную Ритину мать. Что, впрочем не удивительно, поскольку была она младшей сестрой матери и, соответственно, Ритиной тёткой. И потому, разумеется, источала эту суетливую заботливость. – Ужин готов, поешь. И ещё я очень аккуратно при-

брала в твоей комнате.

– Что-о?! – взвилась Рита. – Сколько ещё твердить: если я проживаю – временно! – в твоей квартире, это не значит, что здесь командуешь ты! Усекла, родственница?!

У тётки дрогнула губа.

– Я же не притрагивалась ни к чему, только пыль вытерла...

– Проверим! – Рита в ярости метнулась из прихожей.

Комната её, более просторная из двух, обставлена была незатейливо: письменный стол с компьютером, мамин платяной шкаф и раскладной диванчик, покрытый пледом. Обстановку завершало склеротичное кресло на колёсиках. Ворвавшись в этот рай, как спецназовец в логово террористов, Рита мигом осмотрела всё, вплоть до узоров на обоях. Нигде ни пылинки. Книги на подоконнике разложены в стопки. И ворох нижнего белья с дивана перемещён куда-то... очевидно, в стиральную машину. Рита выдохнула, успокаиваясь. Тётка у неё за спиной повторила:

– Я ни к чему не притрагивалась, честно.

Стянув платье через голову, Рита в трусах и лифчике села за компьютер.

– Ладно, Верка, мне поработать надо. Иди, не отсвечивай.

– Поешь хоть, – канючила тётка. – Я куриные крылышки поджарила...

– Ага, щас! – Рита взглянула на часы. – Мне скоро в ресторан, там наемся. Брысь, говорю.

Тётка исчезла.

Включив компьютер, Рита отыскиала в Интернете разрозненную информацию о Горводоканале. Кое-что выбрала и скачала. Сюжет расследования стал смутно вырисовываться. Делая заметки в блокноте, Рита увлеклась.

Верка просунулась в дверь.

– В ресторан идёшь с молодым человеком?

Вперясь в текст на дисплее, Рита поправила:

– С человеком полезным. Я его использую, он планирует меня трахнуть. Ничего личного.

– Ты хоть сама себя слышишь?! – Тётка хлопнула дверью.

Рита вновь глянула на часы, чертыхнулась и ринулась в душ.

Минут через двадцать, посвежевшая и подкрашенная, она стояла перед зеркалом в дверце шкафа. Синее платье до колен с чёрным пояском на осиной талии, сумочка и туфли на шпильке также чёрные, и в ушах – мамины синие топазы. Золотистые с рыжиной волосы уложены в пышный узел – девочка из мечты. «Ну как? – подмигнула Рита своему отражению в зеркале. – К бою готова?» И сама себе ответила: «Всегда.» После чего выпорхнула в прихожую, где, конечно же, её караулила тётка с дежурной улыбкой на карамельных устах:

– Вернёшься поздно?

Рита обогнула её и за порогом квартиры прощбетала:

– Сходите на горшочек, Вера Ивановна, и спите до утра.

Тётка то ли всхлипнула, то ли шмыгнула носом.

С параноидальной дотошностью Могилевич обследовал свою холостяцкую квартиру. В прихожей, в туалете-ванной, на кухне было чисто. В большой комнате, где к стене прикреплён турник и с потолка свисает боксёрский мешок, а в углу поблёскивают гантели, где к тому же поместилось пианино в окружении полок с книгами и всё это, благодаря мудрой планировке, ничуть друг другу не мешало, – здесь, Игорь мог бы поклясться, тоже никто не побывал. В комнате поменьше, в кабинете-спальне, треть которой занимала жёсткая софа, плюс письменный стол с компьютером и шкаф-купе во всю стену (его Игорь осмотрел особо), и тут следов проникновения не наблюдалось. Впрочем, такой прыти от шпаны из «сузуки» Игорь и не ждал – просто действовал в соответствии с процедурой, ставшей уже привычкой. Меж тем сонливость его как рукой сняло.

Игорь принял душ, слегка перекусил и в домашних шортах присел за письменный стол. Из верхнего ящика он извлёк цифровой диктофон и нажал на кнопку воспроизведения. Послышался его собственный размеренный голос: «Подтвердите оба своё согласие на запись.» – «Зачем? – отозвался ныне покойный Василий Травкин. – Чтобы мы не вздумали потом отпираться?» – «Именно поэтому, – подтвердил голос Могилевича. – И чтобы вам не взбрело на ум

тащить меня в суд за клевету.» – «С какой стати нам так себя вести?! – возмутился молодой женский голос. – Мы сами на вас вышли и даём информацию добровольно! Кем вы нас считаете?!» – «Обычными людьми, не героями. Допустим на вас надавят и сделают предложение, отказаться от которого вы не сможете. Этой записью вы сожжёте за собой мосты. Подумайте, стоит ли оно того.» После напряжённого молчания Травкин произнёс: «Ладно, Ирка, сдадимся Могилевичу. Сказали «А» – пора говорить и «Б». Иначе Ракитин меня в унитазе утопит и объявит несчастный случай. Пишите нас, Игорь: пусть всё катится к чертям...»

Выключив диктофон, Могилевич проследовал в соседнюю комнату и принялся колотить в боксёрский мешок. Затем, распахнув окно, подставил лицо вечерней прохладе. У подъезда, через две машины от «вольво» Игоря, припаркован был «сузуки», салатовый цвет которого не скрывали майские сумерки. «Друг Аркадий, – вздохнул Могилевич, – умом ты не богат, но я тебя уважу. Дело чести.»

Открыв пианино, Игорь одним пальцем, по-детски, сыграл песенку «Чижик-пыжик, где ты был...»

В ресторан Рита, само собой, опоздала. Чуть ли не на полчаса. Зампрокурора, сменивший к вечеру костюм, сорочку и галстук, прохаживался перед входом, сверкая очками. Парфюм его благоухал столь интенсивно, что напоминал газовую атаку. Служитель Фемиды подбородок держал высоко и выглядел торжественно. При виде журналистки он, похоже, намеревался отчитать её за неприличное опоздание, но по мере приближения девушки желание это улетучивалось.

– Маргарита, чёрт возьми, – пробормотал он, – я просто не в силах на вас сердиться.

Рита взяла его под руку.

– Тогда приступим к ужину. Я голодна зверски.

После майских праздников, к тому же в понедельник, посетителей в «Арагви» оказалось негусто. Однако все они, мужчины и женщины, воззрились на Риту. Зафиксировав эту реакцию, зампрокурора лучился удовольствием. Ресторан «Арагви», несмотря на, мягко сказать, прохладные взаимоотношения России с Грузией, процветал и благоденствовал. Здесь было тихо, уютно, и на прокурорском столике горели свечи. Усевшись, Рита щёлкнула пальцами.

– Ускорьте прелюдию, Николай Захарович. Или я съем вас без горчицы.

– Без горчицы я не вкусный. – Хохотнув, зампрокурора

подозвал официанта, который тотчас выложил перед каждым из них меню. Николай Захарович поправил на носу очки. – Прошу, госпожа людоедка, заказывайте, не стесняйтесь.

Разумеется, Рита не постеснялась: шашлык, сациви, лобио, фаршированная куриная шейка и прочее, и прочее. Ко всему этому, естественно, полагалась бутылка «Хванчкары». Вернее, пара бутылок. Если, конечно, для прокурорской заплаты – ха-ха! – это не слишком обременительно.

Рита как истинная леди ела и пила с прямой спиной, но темпа притом не теряла. Карьерные интересы ненадолго отступили, и молчание за столом прерывалось лишь репликами типа «Не подлить ли вам вина?» Подлить, конечно. Только без тостов: мы не на свадьбе.

Затем официант поставил перед Ритой бутылку коньяка «Арагви» – презент от четвёрки сидящих грузинов, веселящихся за столиком неподалёку.

– Они спрашивают, – передал официант, – не звезда ли вы из телесериала.

Зампрокурора нахмурил брови, а захмелевшая Рита обратилась прямо к дарителям:

– Нет, господа, я прямо с небес. Из другой галактики. Грузины заплодировали и подняли за Риту бокалы.

Зампрокурора, предъявив официанту удостоверение, безглаголиво отодвинул коньяк.

– Уберите. Это неуместно.

Вышколенный официант мигом вернул бутылку подгулявшим грузинам, шёпотом обрисовав ситуацию. Грузины засмеялись – тем всё и закончилось.

Хлебнув из бокала, Рита ехидно уточнила:

– Значит, Николай Захарович, подношений вы не принимаете?

– Не сейчас, – осклабился зампрокурора. – Кстати, Маргарита. Вы разобрались с Могилевичем?

Рита ещё хлебнула вина.

– В лучшем виде. Проблем не возникнет.

Зампрокурора тщательно пережёвывал шашлык.

– Дай то Бог. А то я навёл кое-какие справки... Не знаете, почему в журналистских кругах его зовут Могильщиком?

– Впервые слышу, – насторожилась Рита. – По фамилии, вероятно. А что?

Зампрокурора отмахнулся вилкой.

– Просто любопытно. Ткемали передайте, пожалуйста.

Рита подвинула к нему соус.

– А что с уликами? Обнаружилось что-то новенькое?

Зампрокурора испустил вздох.

– Маргарита, известно ли вам такое понятие как «тайна следствия»? Если б я даже и захотел...

– При чём здесь тайна следствия, Николай Захарович? Я же была там, сама всё видела, но быть может, упустила нечто важное...

– Если б я и захотел поделиться с вами информацией, то

не стал бы это делать в ресторане. Полагаю, Маргарита, я выразился предельно ясно. Поговорим о чём-нибудь другом.

Рита опустила на стол локти, оперлась подбородком о ладони и, трепеща ресницами, заглянула в глаза собеседнику.

– Николай Захарович, в какой позе вы трахаетесь предпочтительно? Этим поделиться можете?

Ломтик шашлыка изо рта зампрокурора выпал на тарелку.

С авторучкой и блокнотом наготове Игорь снова включил запись. Голос Васи Травкина продолжил: «Главное, надрать им задницы» – «Угу, как в голливудских боевиках, – сыронизировал Игорь. – А вдруг не получится?» – «Тогда извините! – зазвенел женский голос. – Значит, зря мы вас напрягли!» – «Вполне вероятно, – отчеканил Игорь. – Пока что мы с вами ходим вокруг да около.» – «Не мы ходим! Это вы нас подначиваете! Таков, очевидно, ваш стиль, Могилевич!» – «Спокойно, Ирка, – примирительно проговорил Травкин. – С этого момента я беру быка за рога. Начнём с полигона ТБО между посёлком Солнечным и деревней Савеево...»

Прослушивая запись, Игорь делал в блокноте пометки: «ТБО – твёрдые бытовые отходы... Савеево – река Серебрянка – Солнечный... Горводоканал в ближнем Подмосковье – сжигание осадка сточных вод (ОСВ)... Гендиректор Ракитин + заммэра по ЖКХ – тендеры на строительство...» То, что вырисовывалось, требовало осмысления. Когда запись рассказа Травкина, сопровождаемая комментариями Ирины, подходила к финалу, мобильник на столе испустил призывную трель. Игорь с досадой прервал работу.

Звонила Вика из Самары.

– Извини, что беспокою в такое время, Игорёк, но ты говорил, что ложишься поздно... Как у тебя с полицией, раз-

решилось?

– Пока не сажают.

– Слава богу. Что ты натворил?

Игорь проникновенно произнёс:

– Вика, пожалуйста, не звоните мне больше. Иначе я повешусь, оставим предсмертную записку. И полиция вплотную займётся вами. – Он дал отбой и дослушал концовку интервью.

«На приёме у Каретникова я ещё не был, – подытожил свой рассказ Травкин. – Наверняка заммэра по ЖКХ в этом деле по самые помидоры, и надо бы его прощупать...» – «Не суйтесь! – резко перебил Игорь. – Заммэра, в отличие от Ракитина, вероятно, не подозревает о неуместном вашем энтузиазме. В этом наше маленькое преимущество.» – «Значит, берётесь?» – воспарил голос Травкина. – «Через неделю, – ответил Игорь, – когда вернусь из Самары. А до тех пор постарайтесь...» – «Не дать себя укокошить, – весело подхватил Травкин. – Буду офигенно увёртливым.» Голос Ирины раздражённо прокомментировал: «Могилевич, по-моему, вы нагоняете изжогу.» – «Угу, – подтвердил Игорь, – таков мой стиль.» Затем послышался скрип отодвигаемых стульев – и тишина.

Могилевич выключил диктофон. Теперь следовало хорошо выспаться.

Темнота растворила салатовый цвет «сузуки» и синяк на скуле близнеца Коляна, который через окошко пытался доплюнуть до припаркованного поблизости «рено». Близнец Вова пихнул брата в бок:

– Завязывай, мудило. – И обратился к дремлющему за рулём старшóму: – Слышь, Славик, а чё твой пахан не поделил с журналюгой? Базар хоть серьёзный?

Колян перестал плевать.

– А чё, может, из-за бабы?

Славик перекатил зубочистку во рту.

– Не ваша проблема: вам платят. Меньше знаешь – крепче спишь.

Близнецы переглянулись.

– В армии он так хлебальник не открывал, – напомнил Вова.

– Мягким был, как тесто, – подтвердил Колян.

– Когда сержант Махмудов вытирал его харей сортир, – продолжил Вова, – только верещал: «Пацаны, что вы смотрите?!»

И Колян передразнил «верещавшего» Славика:

– «Пацаны, мы же русские!»

Старшой заёрзал на сиденье.

– Бля, чё вы так завелись? Кто знает, какой у них там рас-

клад. Меня, прикиньте, на работу взяли на прошлой неделе.

Близнецы вновь переглянулись.

– Какого хера, – обратился к брату Вова, – он не сказал хозяину, что журналюга нас засёк?

Колян покосился на Славика.

– Обосрался в натуре. Из-за него мы дрочим здесь до утра.

– А какого хера, – продолжал допытываться Вова, – мы ломанулись на пятый этаж и засветились перед старухой?

Не выдержав давления, Славик резко к ним обернулся.

– Вы сами туда попёрли, говноглоты! Я шёл за вами!

– За вами! – передразнил Колян. – А кто у нас мазу держит, мы или ты?

И Вова развил мысль брата:

– На разборке, земля, мы сольём тебя пахану. Реально сольём.

Старшой саданул кулаком по рулевому колесу.

– Чё вам надо, суки?! Чё вцепились?!

Близнецы переглянулись в третий раз.

– Говно-вопрос, – пренебрежительно ответил Вова. – Вези нас домой. Выспимся до семи.

– Потом оприходуем баклана конкретно, – подхватил Колян. – Куда на хер он денется.

Старшой размышлял в нерешительности.

И близнец Вова привёл козырной довод:

– Как твой босс прошарит, что мы до утра отсюда свалили? Проверять, что ли, потащится?

– Это вряд ли, – перекусил зубочистку Славик.

Салатовый «сузуки» под покровом темноты покинул место засады.

Рита ощущала себя опьяневшей, однако не сомневалась в том, что держит ситуацию под контролем. Когда зампрокурора с кислой миной оплатил счёт, было без четверти одиннадцать. Официант, презрительно оттопырив губу, очевидно, клял про себя скупердяйство клиента. Опьяневшая Рита наслаждалась спектаклем.

Швейцару, открывшему перед ними дверь, чаевых не досталось также. Зампрокурора лишь сообщил ему, что шашлык удался. Подходя к прокурорскому авто (не разобрать, какой марки), Рита выразила беспокойство:

– Николай Захарович, вы под градусом. – Язык её слегка заплетался. – Как вы повезёте меня домой? А, Николай Захарович?

– По указанному вами адресу. – Зампрокурора распахнул перед ней дверцу.

– Ёлки зелёные. – Рита плюхнулась на сиденье. Платье на ней задралось. – А если, допустим, нас тормознёт ДПС? Что тогда?

– Отобьюсь как-нибудь. – Зампрокурора хлопнул дверцей с её стороны, обошёл машину и сел за руль. – Позвольте вас пристегнуть. – Он перегнулся через Риту, коснувшись её груди, и щёлкнул замочком ремня безопасности.

Рита из-под ресниц наблюдала за его манипуляциями.

– Николай Захарович, как вы галантны. Поехали, спать пора. – Девушка назвала адрес.

После одиннадцати вечера Москва была практически безлюдной, транспорт на дорогах словно испарился. Не езда – волшебная сказка. Свет уличных фонарей бесстыдно скользил по оголившимся Ритиным бёдрам. И зампрокурора, пылясь на эти бёдра, едва слюну не пускал. Усмехнувшись, Рита скрестила ноги, отчего платье задралось ещё выше. Говорить было не о чем, ехали молча. Однако у зампрокурора, полагавшего, что он упускает счастливый шанс, сдали нервы.

– Насчёт эротической позы обещаю подумать и принять решение. – С игривостью бегемота он плюхнул ладонь Рите на колено. – Твои пожелания, Марго, также будут учтены. Ха-ха, по возможности.

Рита с грустью на него взглянула.

– Николай Захарович, вы глубоко меня разочаровали. Эти ваши тайны следствия, эти пошлые отговорки... – Она сняла его руку со своего колена и переместила на руль. – А ведь я, Николай Захарович, начала относиться к вам всерьёз. Просто плакать хочется. – Рита артистично засопела.

Зампрокурора дёрнулся к ней так, что машина вильнула. Рита засопела громче, порой всхлипывая. Этак они домчались до её дома. С неприступным видом девушка отстегнула ремень безопасности.

– Спасибо за вечер. Отсюда я дойду без эскорта. – Она приоткрыла дверцу машины.

Зампрокурора торопливо пробубнил:

– Зачем вы так, Маргарита? Я же не отказываюсь делиться информацией в разумных пределах. Позвоните завтра: возможно, что-то прояснится...

– Нет, Коленька, – прервала его Рита. – Появится что-то интересное, звони сам. Буду ждать. – Чмокнув Николая Захаровича в щёку, она вышла и направилась к подъезду.

Зампрокурора запоздало сыпал из окна комплиментами, но Рита не отреагировала. Лишь вытерла губы тыльной стороной ладони. Ноги едва её слушались, и кабина лифта кружилась, как детская карусель. И ввалившись в квартиру, Рита умудрилась долбануться о тумбочку с городским телефоном. Тётка, проснувшись от грохота, выглянула из своей комнаты и предложила:

– Может, тебе чайку заварить крепкого?

Рита ткнула в неё пальцем.

– Не лезь в мою жизнь, Верка! Спи сладко, не ворочайся!

Затем Рита устремилась к унитазу и вытошнила из себя всю грузинскую кухню.

Глава вторая

13 мая, вторник

Солнце, щекоча веки, разбудило Могилевича в семь утра. Первым делом Игорь глянул в окно. Салатовый «сузуки» стоял на прежнем месте. Вот и чудненько, подумал Игорь, поиграем. После гигиенических утренних процедур он проделал гимнастику: турник – растяжки – боксёрский мешок. Затем полагалась пробежка.

В шортах и кроссовках, голый по пояс, Игорь вышел из квартиры, поднялся на последний этаж и знакомым путём, через чердак, по крыше дома проник в третий по счёту подъезд слева. Оттуда он беспрепятственно, оставив «сузуки» с носом, рванул в сквер нарезать свои привычные круги. Дышал Могилевич ровно, бежал легко и мускулистым своим телом впитывал майский ветерок.

Закончив пробежку, Игорь шмыгнул в тот же чужой подъезд и тем же путём, через чердак по крыше, вернулся к дверям своей квартиры. Когда он поворачивал ключ в замке, из квартиры напротив вышла Алевтина Витальевна – разумеется, в брючном костюме, с хозяйственной сумкой и с неизменной сигаретой во рту.

– Ну как? – осведомилась она. – Следов проникновения нет?

– Всё чисто, – отрапортовал Могилевич. – Благодарю з0а службу, мадам.

Соседка пустила дым колечком.

– Рада стараться. Всё сражаетесь и сражаетесь, Игорь Петрович. Не устали?

Игорь хмыкнул.

– А вы, Алевтина Витальевна, регулярно за продуктами ходите. Не надоело?

Пожилая дама ступила в лифт.

– Да, друг мой, жрать каждый день утомительно. – Лифт уехал.

Могилевич с порога ринулся в душ, затем побрился и позавтракал овсянкой с овощами. Салатовый «сузуки» стерёг его у подъезда, как цепной пёс. Сидящие внутри парни держали под контролем «вольво» Игоря, полагая, очевидно, что без машины объект не ускользнёт. В этом пункте их позиция была основательной.

Распахнув шкаф-купе, Могилевич снял с плечиков серый летний костюм, выбрал шёлковую чёрную сорочку, чёрные модельные туфли и носки, естественно, чёрные. Во всё это облачившись, он взял с полки чёрный портфель, укомплектованный всем необходимым: от блокнота с набором авторучек до пары цифровых диктофонов. Затем Могилевич прежним путём – через чердак по крыше – проник в третий слева подъезд, откуда вышел наружу.

За углом дома пролежала тихая улочка, ведущая на трёхполосное шоссе. С этого шоссе, однако, на улочку, вне всякой логики, правый поворот был запрещён. Именно здесь

(под прикрытием куста бузины) нарушителей поджидали доблестные бойцы ДПС. Поджидали периодически, в том числе и сегодня. Два бдительных стража, упитанный и тощий, блюли дорожную безопасность, подпирая задами полицейский автомобиль.

– Кружка пива, сигаретка и уважение к бабе, – в ёл негромкую речь упитанный. – Чем больше уважения, тем крепче стояк.

– В жопу твоё пиво, – отмахнулся тощий. – Изжога от него.

Упитанный заглянул напарнику в глаза.

– Изжога не от пива. Хаваешь ты бестолково, от этого.

– Хаваю как все. Но пиво для меня – ссаки с пеной.

За мирной беседой стражи порядка не забывали, однако, фиксировать взором запретный правый поворот. На подошедшего пижона с портфельчиком, само собой, они внимания не обратили.

– Ты ссаки хоть пробовал? – срезал напарника упитанный.

– Не-а! – не смутился тощий. – Зато у меня и пузень, типа твоего, не растёт.

Могилевич произнёс угрюмо:

– Хорош трепаться. Помощь нужна.

Патрульные ДПС уставились на него недружелюбно.

– Чё надо? – будто сплюнул тощий.

– Бог подаст, – пообещал упитанный.

Игорь с каменным лицом выдержал паузу. Затем извлёк

из пиджака удостоверение с аббревиатурой ФСБ и поднёс его к носу каждого из напарников поочерёдно. Затем развернул удостоверение, и полицейские узрели фото Могилевича под солидной синей печатью.

– Фамилий ваших не спрашиваю, и чем вы тут занимаетесь мне до печки. – Игорь спрятал удостоверение в карман. – Оцените, какой я хороший. Сотрудничать будем или о ссаках трендеть?

Напарники занервничали.

– Поможем, конечно, – поспешил заверить упитанный. – Если в наших силах.

– А что надо? – повторил тощий почти ласково.

Игорь приоткрыл дверцу их машины.

– Дел у нас, ребята, минут на десять. Вот за тем домом. – Он по-хозяйски развалился на переднем сиденье. – Объясню по дороге. – Дверца захлопнулась.

Тощий матюгнулся, но упитанный пихнул его в бок. Оба полицейских сели в служебный автомобиль.

Проснулась Рита Володина без похмелья и собралась даже на пробежку. Она взяла с балкона кеды.

– Верка, морда! – крикнула она. – Куда ты захреначила мои спортивные носки?!

Не дождавшись ответа, она вспомнила, что на этой неделе тётка, медсестричка в больничке, трудится в первую смену. То есть уже слиняла. Это означало, что сами собой носки не отыщутся, зато по квартире можно гулять нагишом. Не то чтоб Рита тётки стеснялась, но всё же, как утверждал давешний президент, свобода лучше несвободы.

В очередной раз пробежка накрылась медным тазом, и Рита, ограничась контрастным душем, приготовила себе омлет из трёх яиц, чудом завалявшихся в холодильнике на её полке. Тёткины продукты она не видела в упор.

После завтрака, завершившегося чашкой растворимого кофе, Рита, прохаживаясь по кухне голой, позвонила в центральный офис Горводоканала. Трубку сняла стерва-секретарша. Рита скромно представилась и, согласно вчерашней договорённости, вежливо попросила записать её на приём к гендиректору. Секретарша заявила, что ни о какой договорённости не помнит. Терпеливо и обстоятельно Рита ей напомнила.

– Олег Тимофеевич ничего определённого не обещал, –

отрезала секретарша.

Рита прищурила серо-зелёные глаза.

– Глафира, ты меня огорчаешь. Я думала, мы подруги.

– Во-первых, я не Глафира, – зазвенел голос стервы. – А во-вторых, Олег Тимофеевич занят. Позвоните в четверг. Возможно он...

– Слушай, киса! – перебила Рита. – Мне плевать на то, как часто ты у Ракитина отсасываешь! Просто войди к нему и уточни время сегодняшней нашей встречи! Если не сделаешь этого или швырнёшь трубку, я подкараулю тебя с букетом тюльпанов! С таким огромным, что ты не удержишь! Поняла?! – Поскольку секретарша примолкла в обалдении, Рита рявкнула: – Спроси шефа, во сколько мне приехать! И не вздумай отсоединиться!

После паузы секретарша пробормотала:

– Молодая да ранняя... прошмандовка... – Донёсся звук столкновения телефонной трубки со столом.

С мобильником, прижатым к уху, Рита проследовала к своему шкафу, откуда извлекла нижнее бельё, светлый деловой костюм (с короткой юбкой, разумеется), а также блузку, сумочку и туфли в цвет. «В редакции глаза у всех выпадут на пол», – заверила она своё отражение в зеркале. Отражение состроило гримаску: «Прямо-таки у всех?» Рита замахнулась на него лифчиком: «Дурында, от тебя сплошной негатив!»

Из трубки меж тем донёсся ледяной голос секретарши:

– Олег Тимофеевич примет вас в два часа. Пропуск вам будет выписан. – Послышались гудки.

– То-то же! – сказала Рита и принялась одеваться.

Предстояло сгонять в редакцию за пресс-картой. Причём сгонять без машины, которую починят лишь к вечеру. Перед выходом из квартиры Рита пыталась дозвониться до зампрокурора, но в ответ слышала: «Для данного вида связи абонент недоступен.» По дороге к метро она отправила СМС: «Классный был ужин. Какие новости?» В том, что этот озабоченный бурундук отзвонит, сомнений не возникало.

Парни в салатовом «сузуки» выпалились плохо и прожигали взглядами дверь подъезда в расчёте на то, что «пидор-журналиюга» вот-вот выйдет. Не может он, ясен пень, всё утро ховаться дома: ему, блин, шустрить надо. Близнецы с бейсбольными битами по-прежнему располагались на заднем сиденье. Братья были в тех же спортивных костюмах, которые ощутимо уже попахивали, и старшóй, сменивший на себе рубашку, брезгливо морщил нос.

– Слыш, Славик! – обратился к нему близнец Вова. – Может, кого-то из мочалок наших вызовем? Позвонит она в дверь, вопросик задаст. А мы опля – и в дамках. Ворвёмся, отмудохаем, исчезнем. Как тебе такая фишка?

– Ништяк! – хохотнул близнец Колян, синяк на скуле которого пожелтел за ночь. – Вы там мудохайтесь, а я тут на шухере, с мочалкой покувыркаюсь. Даже знаю с какой. Щас позвоню – прилетит пулей, бя буду.

Брат двинул ему по рёбрам.

– Тебя, реально, кастрировать пора! – И вновь обратился к старшóму: – Так чё, Славик, рискнём?

Послать его подальше Славик не успел: в его окно полосатым жезлом постучал мент с пухлыми щеками. Гадая, что бы это значило, Славик опустил стекло.

– Сержант Исаев, ДПС, – представился мент. – Пожалуй-

ста, предъявите права и техпаспорт.

Славик переместил во рту зубочистку.

– В чём дело, командир? Скорость мы, что ли, превысили?

Из-за спины щекастого выступил его напарник, тощий как глист, притом с восковой рожой. И эта рожа проверещала:

– Повыступай тут, придурок! Вылазь, руки на капот!

Колян привстал на заднем сиденье.

– Чё ты разоряешься, мусор?! Крутого из себя корячишь?!

– Сильно борзый, – поддержал брата Вова. – Не огребал давно.

Тощий просунулся в окно.

– Та-ак, кто тут у нас? Ух ты, гопота вонючая! Не закопали вас в девяностые, жаль. Пора проблему решить, чтобы от вас только ссаки остались.

– Давай, бляха-муха, решай! – выпятил грудь Колян. – Иди сюда!

Тощий дёрнулся к задней дверце, но его оттеснил напарник.

– Уймись, Федулин. Не то нам «полицейский произвол» пришьют. – С подчёркнутой вежливостью щекастый обратился к Славику: – Автомобиль числится в угоне. Пожалуйста, предъявите документы.

Славик аж глаза вылупил.

– Какой ещё угон? Командир, это ошибка...

– Всем выйти, руки на капот! – гаркнул неугомонный Федулин.

И в этот момент у Славика и близнецов отпали челюсти. Возле их машины, как чёрт из табакерки, возник Могилевич. Явление «объекта» из подъезда троица позорно прозевала. Более того, журналюга, ничуть не шифруясь, поздоровался с ментами, и те подобострастно ему козырнули.

– Что происходит? – осведомился Могилевич.

Менты шёпотом принялись ему докладывать. Славик улавливал лишь обрывки фраз: «...числится в угоне... Сопротивление при задержании... вызываем подмогу...» Лоб Славика покрылся испариной: влипли они по самые гланды, и номера «сузуки» у ментов на заметке.

Словно прочтя мысли старшего, Колян пробухтел:

– Теперь, даже если кто другой его оприходует, искать будут нас.

– Сам, что ли, допёр? – съязвил Вова. – Сваливать надо по-тихому.

Журналюга меж тем отчётливо произнёс:

– Сержант, у вас ложная информация. Эта машина принадлежит бизнесмену Шумилину, и она не в угоне. Парни приехали ко мне по заданию владельца машины, так что не о чем беспокоиться.

– Как это, не о чем? – усомнился тощий мент. – Информацию необходимо проверить.

Щекастый осадил напарника:

– Если Игорь Петрович ручается, проверим потом.

В салатовом «сузуки» повисла тишина. Лихая троица на-

пряжённо ждала куда кривая выведет. И будто в кошмаре Славик увидел, как журналюга подошёл к его окну, и услышал, как тот сказал ментам:

– Сейчас, господа, я вас успокою. – Затем обратился к нему, к Славику: – Звони Аркадию Владленовичу, живо. Продиктовать номер? – И продиктовал, собака, один в один.

В ступоре Славик позвонил хозяину, и только лишь тот отозвался – журналюга выхватил из руки старшего мобильник и проговорил в него:

– Привет, Аркадий! Могилевич тебя беспокоит. Общаюсь тут с твоей бригадой и полицией... Похоже, ты удивлён. Бравые твои посланцы всё тебе объяснят. И за тобой должок... Сейчас некогда, но вскоре я всё тебе обрисую... Потерпи, Аркаша, я с тобой свяжусь. – Журналюга вернул телефон Славику. – Ещё раз попадёте на глаза, яйца отстригу. – И обернулся к ментам. – Владелец подтвердил: машина не в угоне.

И менты вроде как с облегчением отвалили.

Следом укатил «объект» на бордовом «вольво».

Затем Славик, придя в себя, врубил мотор и, можно сказать, поплёлся к хозяину на расправу. В салатовом «сузуки» никто не проронил ни слова. У ближайшей станции метро близнецы вышли, забыв под сиденьем бейсбольные биты.

К хозяину в офис Славик поехал один.

Утром особнячок редакции «Наблюдателя» напоминал птичий базар. Сотрудники всех специализаций сновали туда-сюда, исторгая из креативных ртов соображения по работе или просто белый шум. С улыбкой киногероини стажёрка Володина здоровалась с теми, кто здоровался с ней, кивала тем, кто молча на неё тарасился, и в упор не видела тех, кто её не замечал. У кабинета редактора её тормознула «миссис-новости». С претензией, разумеется.

– Я не спрашиваю, вы не отчитываетесь, да? – нахмурилась Алла Симонян. – Прошла, между прочим, неделя.

– Хорошо выглядите, Алла Ованесовна, – заметила Рита. – Хотя волосы вам неплохо бы подкрасить.

Симонян качнула седеющей гривой.

– Непременно учту. Где материал о студии «Панорама»? Рита пожалала плечами.

– А зачем? Сезон закрывается, из подвала их не выселяют – ничего интересного. К тому же теперь у меня другое задание.

«Миссис-новости» ожгла её взглядом.

– Вы у нас стажёр, не так ли? Это легко поправить. – Она двинулась по коридору гренадёрским своим шагом.

Рита невозмутимо приоткрыла дверь в кабинет редактора, и брови её поползли вверх. На редакторском столе, бол-

тая стройными ногами сидела миловидная девица в платье с боковым разрезом. Она пыталась ухватить Фролова за ухо, а тот уворачивался, ворча что-то себе под нос. Девица хихикала.

Рита на цыпочках попятилась и пошла к себе в комнату. По пути она вновь попыталась вызвонить зампрокурора, но в очередной раз услышала: «Абонент недоступен...» Тут мобильник в её руке заверещал сам. Но, увы, это оказался не служитель Фемиды. Капризный тенорок произнёс:

– Привет, лапа! Я соскучился.

В досаде Рита аж притопнула.

– Котик, – прошептала она, озираясь, – времени у меня ни минуты. Попи́сать некогда.

– Лапа, не трепись. Подъезжай в гостиницу «Украина», пообщаемся.

Кивнув проходящему сотруднику, Рита сквозь зубы процедила:

– Ага, Аркадий, шас! В кулак поработать не хочешь?! Помогает, если не дёргать!

– Высказалась? – Тенорок отвердел. – В «Украине» у меня переговоры. Позвонишь из фойе – я спущусь. Не зли меня, лапа.

– А ты не дави. В два часа я должна быть на приёме у гендиректора...

– Будешь, времени навалом. Жду звонка из фойе. – Сосе́дник отсоединился.

Ругнувшись, Рита добралась наконец до своей комнаты. Там Лида Богарт на бумажном листе рисовала карикатуру на депутата Госдумы. Скандально известный депутат на рисунке топтал звёздно-полосатый флаг, и лицо народного избранника выражало тупую непреклонность.

– Кла-асс! – восхитилась Рита.

– На том стоим. – Художница гротескно заострила депутатское ухо.

– Неплохо бы, – предложила Рита, – одеть его в трусы из американского флага. И пусть об этот же флаг вытирает ноги. Как-то так.

Лида улыбнулась.

– Володина, ты гений. У него сын в Штатах учится – трусы в полоску пойдут ему вполне.

Рита подмигнула.

– Хочешь свежую сплетню? У Фролова, похоже, молодая зазноба. Сидит на столе, бёдра демонстрирует.

Лида фыркнула.

– Это Машка, его дочь. Другие сплетни имеются?

– Как прозаично, – смутилась Рита. – А я-то, гусыня, поделикатничала... Пойду к нему вломлюсь.

Редактор оказался в одиночестве. Уши его словно окрыляли бритую голову, синие глаза вперились в монитор компьютера, короткие крепкие пальцы терзали клавиатуру. Рита кашлянула в дверях.

– Милая у вас дочурка, Анатолий Викторович, – произ-

несла она. – Но рассиживать на столах девушке не пристало. Дефект воспитания.

Фролов барабанил по клавишам.

– Что-нибудь ещё?

– Когда будет готова моя пресс-карта?

– Подойдите к Даниловой и получите.

– О! – просияла Рита. – А насчёт Могилевича как? Вы наклонили его к миске с лапшой?

Редактор развернулся к ней вместе с креслом.

– Знаете, Володина, почему до сих пор я не вышиб вас коленом под зад?

– Колено не гнётся? – предположила Рита.

– Потому что с детства я закаляю свой характер. – Фролов развернулся к монитору. – Ступайте, Володина, за пресс-картой, за клюквой в сахаре или... боюсь, характера у меня не хватит.

На пороге кабинета Рита оглянулась.

– На самом деле, Анатолий Викторович, вы относитесь ко мне с пониманием. – И хлопнула дверью.

Пресс-карта выглядела солидно. На пластиковом прямоугольнике красовалось Ритино фото, а под ним надпись: «Корреспондент газеты «Наблюдатель», имя и фамилия. Слово «корреспондент» ласкало взор. Можно было ехать в Горводоканал, заскочив по пути в гостиницу «Украина». Нет, вовсе не по пути, Аркаша, мать твою.

Притом зампрокурора, козлик сексуальный, по-прежнему

был недоступен.

Облака над Артюхинской станцией Горводоканала плыли неторопливо. Солнце, будто паучок, поймало хмурое облако и окропило им цветочную клумбу и пиджак на Могилевиче. На стоящего в двух шагах Артёма Карпова не попало ни капли. Сей феномен несколько оживил флегматичную физиономию Карпова, и рыхлая его фигура, втиснутая в строгий костюм, как бы отвердела.

– Надо же! – сказал начальник Управления технологического развития. – Впервые такое вижу. Везёт вам, журналистам.

Игорь покачивал портфельчиком.

– Не отвлекайтесь, Артём Сергеевич. Итак, Вася Травкин дежурил ночью по графику. К утру на монитор поступил сигнал с датчика о чрезвычайном загрязнении воды. Травкин с канистрой в руке пошёл отбирать пробу для лабораторного анализа, и вскоре был обнаружен плавающим в мусоре с пробитой головой. Так по сути?

Карпов изучал пиджак Игоря, как руководство по технике безопасности.

– Хотите, – вздохнул он, – подсушу вас феном. Чтоб не простудились.

– Канистра плавала рядом, крышка была завинчена, – продолжил Могилевич. – Между тем, как мы только что с

вами выяснили, коллеги его утверждают: при отборе пробы Травкин обычно отвинчивал сперва крышку, клал её на землю и лишь затем с канистрой спускался по лестнице.

Карпов вяло отмахнулся.

– Вчера он мог изменить своей привычке.

Игорь кивнул.

– Допускаю даже, что с неба спустились марсиане и навели на главпеца порчу. Артём, чьи интересы вы отстаиваете? И зачем, главное?

Дряблые щёки начальника управления порозовели.

По газону прошагали два охранника – чернобровый богатырь и короткостриженный сморчок, на ходу обронивший:

– Тащусь от журналистов. Балдею прямо.

Богатырь гоготнул.

Карпов порозовел гуще.

– Какого чёрта вам надо?! – огрызнулся он, когда охранники скрылись. – У меня дел вагон, а я вас тут прогуливаю...

– ...по распоряжению руководства, – ввернул Игорь. – И в результате я выяснил, каким свойским парнем был Вася, как остроумно шутил и сколько водки мог выпить.

– И ещё про крышечку канистры, – съязвил Карпов. – Важная деталь, поздравляю.

– Насчёт крышечки, Артём Сергеевич, случайно всплыло. Ваш недосмотр, готовьте задницу под клизму.

Карпов процедил сквозь зубы:

– Повторяю ещё раз: какого чёрта? Идёт следствие, мне

известно не больше вашего...

– Можно два вопроса? – качнул портфелем Могилевич. – Первый: встретился ли Травкин с Каретниковым?

– Кто такой Каретников?

– Заммэра по ЖКХ. Артём Сергеевич, не включайте дурака: Травкин, по слухам, к нему на приём собирался. И вопрос второй: как бы мне поговорить с женой Травкина? Без вашего присутствия, желательно.

Начальник управления потрогал съехавший набок галстук.

– Вы неплохо подготовлены. Любопытно, кем? – Не дождавшись ответа, он поправил редеющие на макушке волосы. – Нет. Он бы меня уведомил. Это по вопросу первому. А с Васиной женой говорите сколько влезет. – Карпов глянул на часы. – В данный момент она едет в центральный офис, чтобы обсудить с Олегом Тимофеевичем процедуру похорон. Если подсуетитесь, успеете перехватить её там. Глядишь, накропаете статейку с пикантным гарниром.

– Так и сделаю, – кивнул Могилевич. – Артём, вы мудак. Хотите стать крайним, вылизывая чужое дерьмо? У вас уже получается. – Игорь двинулся прочь.

Глядя ему вслед, начальник управления вновь потрогал галстук, не желающий висеть где положено.

В гостиницу Рита влетела пулей, едва не сломав каблук. Импозантного брюнета, сидящего в кресле под фикусом, она засекала сразу и устремилась к нему. Брюнет был кудряв, хорош собой, однако пухлые его губы изгибались как-то по-дамски и подбородку не хватало завершённости. Отутюженные брюки, сорочка и туфли смотрелись на нём как униформа бизнес-класса. Брюнет был при галстукe, хоть и без пиджака, и в улыбке демонстрировал ослепительные зубы. Рита произнесла, хмурясь:

– Ну? Короче.

Брюнет похлопал по соседнему креслу.

– Опустись сюда. Осчастливь.

Рита мотнула «конским хвостом».

– Говори, зачем звал, и разбежались.

– Сядь, лапа: люди оборачиваются.

– На меня, котик, оборачиваются всегда. Текстуй по существу, о'кей?

Брови брюнета сошлись над переносицей, тенорок его прозвучал капризно:

– Когда упрашивала пристроить тебя в эту газетёнку, ты так не торопилась.

Рита всё же присела в соседнее кресло. На самый краешек.

– Во-первых, в «Наблюдатель» пристроил меня Бели-

КОВ...

– А по чьей просьбе он заморачивался?

– Во-вторых, Аркадий Владленович, за это мы с тобой перепихнулись. По уговору, один раз. Сделка завершена, какие претензии?

Покраснев, брюнет зыркнул по сторонам. Редкая публика интереса к их разговору не проявляла.

– Значит, вот так? – прошипел Аркадий. – Вопрос ребром?

Рита примирительно коснулась его руки.

– Извини, я спешу и потому нервничаю.

– О'кей, но что за тон?

– Хочу сразу расставить акценты. Давай к делу.

Ссора, очевидно, в планы Аркадия не входила.

– Приглашаю тебя на шашлык, – изобразил он улыбку. – Завтра у себя на даче я устраиваю раут для дружественной прессы. Спросишь, на хрена козе баян? Отвечаю: для освещения важнейшего проекта, тендер на который я выиграл...

– Аркаш, не до шашлыков. – Рита поднялась. – У меня свой проект на волоске...

– Ребята с НТВ будут, лапа. Фролову твоему я только что позвонил, и он обещал направить тебя.

– Пусть направит свою бабушку! Прости, бежать надо. Директор Горводоканала ждать не станет.

Брови Аркадия приподнялись.

– Олег Тимофеевич? Оп-па! Что у тебя с ним?

– Труп у них там. Я расследую. До скорого, котик.

– Стоп! А Могилевич каким там боком?

Пятящаяся к выходу Рита застыла.

– А что, Аркаш?

– Ничего. Просто парни мои засекли, как он там ошивался. Мне стало любопытно.

– Ты следил за ним, что ли?

Аркадий на мгновение отвёл взгляд.

– Чистая случайность. Парни проезжали мимо, заметили Могилевича и доложили на всякий пожарный.

Рита сверлила Аркадия взглядом.

– Какого хрена, котик, тебе стало любопытно?

«Котик» раздражённо дёрнул плечом.

– У меня с Могилевичем отношения непростые. И сейчас, после заключения сделки с Горводоканалом, конечно же, я не в восторге от мелькания поблизости этого подлюги. Не знаешь, лапа, что он вынюхивает?

Рита задумчиво покачала головой.

– Так ты, Аркадий Владленович, стало быть, сварганил сделку с Горводоканалом? Ты желаешь её пропиарить и с этой целью собираешь завтра халяву у себя в загородном доме?

– Типа того.

– О'кей, во сколько?

Встав с кресла, Аркадий распахнул объятия.

– В три часа. Умница. – Он прижал Риту к себе. – Доро-

гу, надеюсь, не забыла? Если заночуешь, на этот раз буду в форме.

Девушка попыталась отстраниться.

– Котик, держи себя в штанах. Люди смотрят.

– Они всегда на тебя смотрят, – парировал Аркадий. – Может, в номер поднимемся? У меня есть полчасика.

– Отпусти немедленно, – пригрозила Рита, – или мне придётся звонить в колокола.

Бизнесмен разомкнул руки.

– Извини, лапа, к свадьбе я пока не готов.

Рита рассмеялась. Но, взглянув на свои часики, охнула и выбежала на улицу.

В центральном офисе Могилевичу повезло дважды: жена покойного главспеца оказалась у гендиректора, который к тому же, по барской прихоти, согласился принять журналиста без промедления. Пышнотелая блондинка-секретарша сообщила представителю СМИ, что вдова «бедняги Васи» сейчас у шефа и, вильнув чем положено, отправилась доложить. Вплыла к начальству, как лебёдушка, и вскоре вышла, приглашающе указав на дверь. Притом обронила загадочную фразу:

– Задержитесь подольше, чтоб шалава в пролёте оказалась. – Секретарша глянула на стенные часы, стрелки которых показывали без пяти минут два.

Доискиваться до смысла этой реплики Игорь остерёгся. Он просто вошёл в приоткрытую дверь.

Кабинет гендиректора, само собой, был не чета кабинету начальника управления. Отделка, светильники, мебель, словно звёздочки на погонах указывали, кто здесь кем командует. На Могилевича, впрочем, шикарные офисы впечатления не производили: в каких только интерьерах он не побывал. Однако мизансцена, представшая его взору, выглядела занятно и была режиссёрски безупречной.

Гендиректор Ракитин (седеющая шевелюра, костюм-тройка, внешность профессора) сидел на стуле, сочув-

ственно подавшись вперёд, и ладонь его покоилась на рельефном колене молодой женщины, довольно миловидной даже с размазанным по лицу макияжем. Полулёжа в директорском кресле, женщина всхлипывала, очевидно уже по инерции. Глаза её меж тем из-под ресниц стрельнули в журналиста у двери. А Ракитин продолжал говорить приятным низким голосом:

– Ни о чём не тревожьтесь: Горводоканал позаботится обо всём. Похороны, поминки, бытовые проблемы берём на себя. Думайте о своём здоровье. Как ни цинично звучит, но только это теперь и остаётся.

– Спасибо, Олег Тимофеевич, – всхлипнула вдова, глянув на Могилевича. – Даже не знаю, как вас благодарить.

– Господи, какие тут благодарности! – Ракитин убрал наконец руку с её колена. – Такого парня прошляпили! А вы, Нина Николаевна, ещё и благодарите нас! – Женщина едва не бросилась ему на шею. Гендиректор, однако, встал со стула и обратил взор на Могилевича. – Теперь ещё и пресса вцепится нам в загривок. Ведь вцепитесь, Игорь... э-э... Петрович?

Игорь кивнул.

– Да, держитесь крепче. У меня два простых вопроса. Ракитин обезоруживающе улыбнулся.

– Погодите, ошейник на себя надену, с шипами. Но вы, насколько я понял, намереваетесь побеседовать с Ниной Травкиной. Вполне одобряю. – Обойдя кресло, гендиректор по-

ложил руку вдове на плечо. — Конечно же, если Нина Николаевна не возражает.

Могилевич был сбит с толку. Откуда, чёрт возьми, взялась эта баба? Неделю назад Вася Травкин на встречу с ним, в кафе, привёл хрупкую сердитую девушку, представил её как жену. Звали девушку Ирой, и в Горводоканале, по словам Травкина, она занимала должность заведующей химлабораторией. Притом именно её голос вчера утром хлестнул Игоря из мобильного известием о гибели Васи. И вот нате вам! Какая-то недоразвитая Нина рыдает в объятиях упыря, выпрыгивая от умиления из платья. И, судя по всему, она и есть безутешная вдова, так её растак. Главспец Травкин, видимо, по каким-то своим соображениям, сыграл с журналистом втёмную.

Игорь произнёс виновато:

— Простите, я переборщил с бестактностью. Интервью с Ниной Николаевной, очевидно, сейчас неуместно.

— Почему же? Я готова, если недолго, — вздохнула госпожа Травкина.

Могилевич приложил руку к сердцу.

— Вижу, Нина Николаевна, вам не до меня. Встретимся, если можно, после похорон. А пока два технических вопроса к Олегу Тимофеевичу — и меня здесь нет.

Вдова поджала губы.

Гендиректор, глянув настороженно, с улыбкой развёл руками.

– У вас, Игорь Петрович, как у мальчика из рассказа Бабеля, в запасе всегда имеется пара вопросов. Что с вами подлаеешь?.. В общем, Нина Николаевна, мы с вами обо всём договорились. – Он помог госпоже Травкиной подняться с кресла и, полюбив её, проводил к двери. – Повторяю, ни о чём не беспокойтесь. Завтра позвоню вам лично и отчитаюсь.

Могилевич посторонился, и вдова, взглянув на него укоризненно, вышла. Угораздило же Василия так жениться.

– Дети у них есть? – поинтересовался Игорь.

– Нет, к счастью. – Гендиректор опустилс в кресло. – Это первый ваш вопрос?.. Ладно, шучу. – Он указал журналисту на стул. – Итак?

Игорь сел, положив портфель на колени.

– С Травкиным вы работали напрямую? То есть без непосредственного его начальника Артёма Карпова.

Гендиректор продемонстрировал ферменную свою улыбку.

– Это вопрос первый или снова разминка?

– Оценка ситуации, – улыбнулся в ответ Игорь. – Если напрямую вы с Травкиным не работали, никаких вопросов к вам я не имею.

Ракитин помассировал седеющий висок.

– Работал, конечно. У меня, знаете ли, сохранились научные амбиции. С Василием у нас совместные патенты, публикации, доклады на конференциях... Он генерировал идеи.

По нашему с ним уговору сперва я защищу докторскую, потом – он. Потерять такую светлую голову для меня... для всех нас... – Гендиректор обречённо махнул рукой. – Рыдал бы, как Нинка, с причитаниями, да статус не позволяет.

Игорь выдержал деликатную паузу.

– В таком случае первый мой вопрос: можно технически спровоцировать сигнал датчика о чрезвычайном загрязнении воды? Тот самый фатальный сигнал, на который отреагировал дежуривший ночью Травкин. И вопрос второй: побывал ли Василий на приёме у заместителя мэра по ЖКХ, у Каретникова Ильи Михайловича, для обсуждения проблем на полигоне ТБО вблизи деревни Савеево? Ответ на каждый из этих вопросов принимается в простой форме: либо «да», либо «нет».

Повисло молчание. С неприязненным удивлением гендиректор смотрел на журналиста. Молчание казалось нескончаемым, когда послышался негодующий девичий голос: «Мне назначено в два! Вы сами сказали!» И голос секретарши сурово отрезал: «Вы опоздали на семь минут! Пеняйте на себя!.. Ну-ка, стойте! Стойте, говорю!»

На пороге кабинета возникла Рита Володина, которую секретарша пыталась удержать за ремень сумки. Глаза Риты пылали, волосы разметались в живописном беспорядке, и пресс-карта у неё на шее покачивалась, как маятник судьбы. Заметив Могилевича, сидящего с портфельчиком на коленях, Рита простонала:

– О нет! У меня дежавю!

– Поверите ли, у меня тоже, – отозвался гендиректор и, посмотрев на секретаршу, царственно плеснул кистью руки. – Ступай, Светлана. Разберусь.

Пышнотелая блондинка, выходя, пробормотала:

– Ух, я бы ей! – И прикрыла за собой дверь.

Гендиректор адресовал Могилевичу кривую усмешку.

– Интересная у вас газета. И дело иметь с вами приятно.

– Взаимно, – сказал Игорь. – На вопросы ответите?

– Разумеется. Отвечу тогда, когда сам в этом разберусь.

Могилевич поднялся.

– Ладно, Олег Тимофеевич. Завтра – послезавтра позволю вам, если не возражаете. – Проходя мимо Риты к двери, он обронил: – Бейджик можно снять. Здесь принято подомашнему. – Дверь за ним закрылась.

Рита заняла освободившийся стул, скрестив умопомрачительные ноги.

– Много времени я не отниму, – заверила она деловито.

– Безусловно, – с ехидцей произнёс Ракитин, – такой возможности я вам не предоставлю. Прошу: покороче и, главное, по существу.

– Постараюсь, Олег Тимофеевич. – Рита извлекла из сумки сложенный вдвое лист. – Прокомментируйте, пожалуйста...

Её прервал зазвонивший телефон. Гендиректор снял трубку, сбросил звонок и выжидательно воззрился на жур-

налистку.

Развернув листок, Рита скороговоркой прочла:

– «Нравственно-этический кодекс работника Горводоканала. Вступая в коллектив работников Горводоканала, я осознанно принимаю на себя следующие правила поведения...» Думаю, достаточно. – Рита бережно убрала листок в сумку. – Не растолкуете ли, Олег Тимофеевич, смысл этого египетского папируса? Или, быть может, сей артефакт – наследие ацтеков?

На столе испустил трель сотовый. Гендиректор взглянул на дисплей и в досаде телефон отключил.

– Что творится у вас в голове! – Ракитин поднялся с кресла. – Такой парень погиб, а вы тычете мне в нос отрывку наших пиарщиков!

– Но под этой отрывкой ваша подпись, Олег Тимофеевич.

Гендиректор, заложив руки за спину, прошёлся по кабинету.

– Чего только я не подписывал, барышня. Увы. Но в данный момент идёт следствие, и у меня, простите, нет охоты копаться в этой безобидной белиберде.

– Безобидной?! – сверкнула глазами Рита. – Ваш главспец погиб, или его убили, в своём, как у вас там написано, родном доме, где о нём, блин, заботятся и его защищают! Нравится вам такая коллизия?!

Ракитин резко остановился.

– Люблю пофилософствовать, но не сегодня. Повторяю,

идёт следствие, притом у вас, красавица, имеется источник в прокуратуре. Все вопросы к нему. А касательно белиберды типа морального кодекса, пожалуйста к Артёму Карпову, начальнику Управления технологического развития. Он вас обслужит, я распоряжусь. И разумеется, организую себе годовую подписку на вашу газету. Что-нибудь ещё?

Рита безмятежно улыбнулась.

– Олег Тимофеевич, не могли бы вы стать милым и обво-
рожительным?

Гендиректор побледнел от гнева.

– Золотко, извините, но эротический массаж мы здесь не практикуем.

– Как? – округлила глаза Рита. – Разве секретутка ваша делает что-то другое?

Казалось, Ракина сейчас хватит удар.

– Немедленно... – прохрипел он... – Сию же минуту...

Рита поспешно встала.

– О'кей, Олег Тимофеевич. Свяжусь с Карповым

Она покинула кабинет, кляня по-чёрному подлюгу Могилевича.

Неподалёку от ступенек морга, под прикрытием мусорных баков, хронически небритый капитан Кирко обменивался со своим судмедэкспертом оперативной информацией. Капитан, в том же потёртом пиджаке и в джинсах, раздражённо курил, а пожилой эксперт с лицом мученика отмахивался от табачного дыма.

– Отчёт не готов, но между нами девочками, – произнёс он, – в крови ни алкоголя, ни какой-то иной дряни. И смерть наступила не в результате удара головой, а от прекращения дыхания, обусловленное... Короче, вода у него в лёгких. Давай отойдём, Серёжа: здесь голуби срут.

Капитан Кирко словно выплюнул шматок дыма.

– Так всё-таки, – уточнил он, – ушибся головой, упал и захлебнулся? Или врезали по башке и утопили?

– А вот это решать тебе. – Судмедэксперт закашлялся. – Кури в сторону, жопа.

Капитан послушно отвернулся.

– Только что звонил Могилевич. Спрашивал, как там с прутьями от ограды.

– Серёжа, ты не имеешь права разглашать.

– Да ну? Спасибо, что напомнили, Ефим Зиновьевич. Но проверить эти долбанные прутья – его идея. И мне самому интересно: вдруг там ненароком...

– Не вдруг, – перебил судмедэксперт. – Один из прутьев исчез как по волшебству. Вывод напрашивается, и не делай такое личико. Ты не девочка в первую брачную ночь.

Капитан Кирко смачно выругался.

– Но кто и как?! Суслик этот прокурорский елозит по всему периметру. Андрюха Дерябин рыло с утра воротит... Вы вполне уверены, Ефим Зиновьевич?

Судмедэксперт вновь отмахнулся от дыма.

– Было четыре прута, осталось три, – констатировал он. – Вычитать единицу я не разучился. У тебя еврейские глаза, Серёжа.

– Недавно, Ефим Зиновьевич, вы говорили, что у меня уши еврейские.

– Процесс, Серёжа, ускорился.

Оба рассмеялись.

– Семагин прессовать меня начал, – объявил капитан. – Висяки мои припомнил, рекомендовал на этом деле не заикливаться... Вещдоки пропадали и прежде, в обморок не падаю. Но в данном эпизоде, какой смысл?

Ефим Зиновьевич пожал худыми плечами.

– Бабло, вероятно. Кругом бабло и конфликт интересов. С понедельника, Серёжа, я на пенсию сваливаю. Айда за мной.

Капитан чуть не поперхнулся сигаретным дымом.

– Как это, сваливаете?.. У нас же с вами, Ефим Зиновьевич, дел вагон.

– Знаю, друг мой, на пенсию тебе рано. Тогда отстрели се-

бе ногу, подхвати сифилис, оформи инвалидность – и линияй. Пойми, ты здесь – как щепка в заднице. – Развернувшись, судмедэксперт пошёл к ступенькам морга. Майский ветерок тербил его распахнутый лабораторный халат.

Капитан Кирко притушил сигарету, нацелился бросить её в мусорный бак, но помедлил. Перед броском он плюнул на окурок. Для подстраховки.

В кабинете редактора боком к столу сидел священник. В рясе и с крестом на шее, как водится. Тощ, сутул и невзрачен, растительность на голове и лице он имел обильную. С бритым наголо Фоловым священник являл, что называется, разительный контраст, который усиливался от их откровенной взаимной неприязни.

– Почему не опубликуете? – густым басом допытывался священник. – Вы против религии вообще или против православия, конкретно?

Редактор потёр оттопыренное ухо.

– Ни то ни другое. Статья ваша сумбурна с сложна для понимания наших читателей.

– Цитатами из Евангелия, что ли? – сверкнул глазами слуга божий. – Я мог бы сократить, не проблема.

– Кроме того, текст ваш пестрит историческими неточностями.

– Ну так поправьте! У вас же есть для этого корректоры, пусть займутся! Главное, сохранить смысл!

Фролов вздохнул.

– В том-то и загвоздка. Если поправить – смысл, боюсь, улетучится. И это б ещё полбеды, пережили бы. Но куда денется неповторимый ваш стиль?

Опешив от подобного иезуитства, священник жёг редак-

тора взором. И тут в кабинет вошёл Могилевич. Без стука, разумеется.

– Привет, Толян! – махнул он портфельчиком. – Не помещал?

Редактор вздохнул на сей раз с облегчением.

– Нет, мы уже закончили. Знакомься – отец Ефрем, дьякон. Станет нашим автором, надеюсь. А это, отец Ефрем, – журналист Игорь Могилевич, наш путеводитель по коррупционным коридорам.

– Читал Могилевича вашего. – Отец Ефрем поднялся. – Слог неплохой, но сколько злобы и желчи.

– Навалом, – согласился Игорь.

Приоткрыв дверь, дьякон обернулся.

– В Бога, молодой человек, похоже, вы не верите?

Игорь чуть склонил голову набок.

– А вы?

Отец Ефрем кивнул с таким видом, будто подтвердились худшие его опасения. Затем вышел.

– Ярko и поучительно, – прокомментировал Могилевич. Фролов прищурился.

– А то! Вдалеке от наших редакционных неурядиц ты паришь в сферах высокого криминала...

– Толик, не начинай.

– Я в том смысле, что тебе там тяжело, а нам тут жутко весело.

– Кто б сомневался. – Игорь придвинул стул к редактор-

скому креслу. – Сейчас ты от веселья отдохнёшь.

– Кто б сомневался, – передразнил Фролов. – Вижу, ты загорел в Самаре.

Игорь сел, выложил на стол диктофон и придвинул к редактору флешку.

– Храни это в сейфе, как алмаз Кохинор. Это полная копия того, что мы с тобой сейчас прослушаем вкратце. Готов?

Редактор сунул флешку в нагрудный карман рубахи.

– Сперва объясни что к чему.

Игорь кивнул.

– Разумеется. – Он откинулся на спинку стула. – За день до Самары вышли на меня двое из Горводоканала – главспец инженерно-технического центра и жена его, заведующая химлабораторией. Правда, как нынче выяснилось, жена у него другая, так что, – Игорь взглянул на часы, – сегодня ещё успею надрать самозванке задницу. Короче, эти двое порассказали мне про Горводоканал увлекательные истории, которые, конечно же, я записал. Главспец Вася Травкин... Толян, не смейся: по характеру и по внешности он типичный русский святой. Из тех, для кого в стране этой уготована участь незавидная. Он просил у меня совета и журналистской помощи. Я пообещал, хорошо понимая, что дело стрёмное. И, само собой, их предупредил, чтобы не высывались, пока, блин, я не возвращусь с долбаного конгресса. Теперь Травкин убит, и я почти уверен, что заказчика знаю в лицо. И сволочь эту я достану, как бы её ни охраняла вся

наша замечательная правовая система... Конец преамбуле, Толян. Давай слушать.

Фролов хмуро нажал на кнопку диктофона, и голос Могилевича произнёс: «Подтвердите оба своё согласие на запись.» – «Зачем? – добродушно уточнил голос Травкина. – Чтобы мы не вздумали потом отпираться?»

Редактор и Могилевич слушали без обмена репликами, без комментариев. Когда в кабинет заглядывали сотрудники, Фролов жестом просил их подождать. Перед стажёркой Володиной, однако, редакторские жесты оказались бессильны. Метнув из глаз пучок молний, девушка устремила к столу.

– Ух ты! Какие тут люди!

Проворно выключив диктофон, Фролов поинтересовался:
– Бейджик получили?

– Угу, спасибо! Анатолий Викторович, благодаря ему, – Рита указала на Могилевича, – я выгляжу городской сумасшедшей, а газета наша смахивает на дурдом! Вы собираетесь на это как-то реагировать?! Или, Анатолий Викторович, вы слишком заняты текучкой?!

Губы Могилевича дрогнули в усмешке.

Редактор потёр диктофоном ухо.

– Уже отреагировал, – сообщил он. – Звонил мне тут бизнесмен Шумилин, приглашал кого-то из наших на шашлыки для прессы. Сделка века то ли состоялась у него, то ли намечается. На это мероприятие, само собой, я рекомендовал вас. Уверен, вы обладаете всему необходимыми качествами,

чтобы воспеть шумилинские шашлыки. Считайте это боевым заданием нашего дурдома.

Могилевич кусал губу.

Рита покраснела до веснушек возле носа.

– Спасибо, Анатолий Викторович! Задание выполню с честью!

– Завтра к трём часам, – уточнил Фролов. – Адрес шумилинской дачи возьмите у Даниловой. И осторожно там, не объедайтесь. Не рискуйте здоровьем ради карьеры.

Рита выровняла дыхание.

– О'кей, Анатолий Викторович. Можете не принимать меня всерьёз, можете уволить, но, – она хлопнула рукой по столу, – своё расследование этому перцу с портфельчиком я не отдам. Не дождётесь.

Она вышла так же стремительно, как вошла.

Редактор и Могилевич обменялись взглядами.

– Чёрт меня дери, – усмехнулся Игорь.

– На работу ходить надо, – вздохнул Фролов. – Старина Беликов привёл её по протекции Шумилина, и ладим мы с ней кое-как. Она, похоже, талантлива, даже с изюминкой. Но внешностью своей пользуется мастерски и вскочит на загривок любому, кто чуть зазеваётся. Признаться, вашу с ней коллизию я предпочёл бы разрулить в темпе.

Игорь задумчиво смотрел в пол.

– Опять Шумилин. Наваждение прямо.

– Ты о чём? – насторожился редактор.

Помедлив, Игорь предложил:

– Может, вечером? Доложу подробно.

– Давай, – кивнул Фролов. – После семи у меня?

– Да. И Димона выдерни.

– Намечается вариант «Б»?

Могилевич вздохнул.

– Дразнить быка я уже начал. А тут ещё стажёрка мелькает, и разрулить это ох как необходимо... Тебе что-нибудь о ней известно? Кроме того чья она протеже.

– Обижаешь. – Фролов пробежал пальцами по клавишам компьютера. – Когда кого-то мне навязывают, я не стесняюсь напрягать Димона. Вот её досье, на двух страницах уместилось. Ничего особенного: амбициозная провинциалка, желающая покорить столицу.

Могилевич подвинул стул к монитору.

– Дай-ка прочту. Времени у меня как раз на две странички.

– Валяй, – одобрил Фролов. – А я интервью твоё дослушаю. – Он включил диктофон.

В кабинете прозвучал смех покойного Васи Травкина.

Гендиректор Ракитин пружинисто шагал по коридору Центрального офиса Горводоканала. По обеим сторонам коридора, широкого и длинного, располагались кабинеты начальства пониже, комнаты сотрудников и служебные помещения. Даже солнечным майским днём освещался коридор электричеством, которое надлежало экономить. Поэтому лампочки перед шагающим гендиректором эффектно вспыхивали и гасли за спиной секретарши, семенящей следом. Ракитин, разговаривая по мобильнику, демократично здоровался со всеми встречаемыми – кому-то кивал, кому-то пожимал руку.

– Илья Михайлович, не гони пургу, – бормотал он в трубку. – Вовсе я от тебя не бегаю.

Секретарша закудахтала:

– Плащ наденьте, Олег Тимофеевич. Там ветер.

Отмахнувшись, Ракитин проговорил в трубку:

– Окстись, Илья. Звонки твои я сбрасывал только потому, что у меня народ толпился. Не мог же я обсуждать...

– Наденьте плащ: простудитесь, – настаивала секретарша.

– Отвали! – не сдержался гендиректор. – Не тебе, разумеется, – произнёс он в телефон. – Достают меня, понимаешь... Ага, типа того. Рад, что юмор тебе не изменяет... В данный момент выезжаю в мэрию. Если, конечно, ты меня

примешь... Расслабься, шутка!..

Гендиректор шагнул было в подъехавший лифт, но оттуда вышел Артём Карпов, взмокший, как тушёный помидор, и со сбившимся набок галстуком. Мгновение-другое гендиректор и начальник Управления технологического развития взирали друг на друга. Двери лифта закрылись.

– Буду через полчаса, – проговорил Ракитин в мобильник. – Если в пробке не застряну... Что поделаешь, Илья Михайлович? За наши пробки отвечаю не я, уже легче. – Сунув телефон в карман пиджака, он буркнул Карпову: – Зачем примчался?

– Как это, зачем? – опешил Артём. – У нас же через пять минут НТС.

Ракитин хлопнул себя по лбу.

– Чёрт, старею катастрофически! Проведи НТС без меня, дружок. И спасибо, что предупредил о визите газетчика.

– Не за что. – Начальник управления поправил на себе галстук. – Нам скрывать, в общем-то, нечего. Так ведь?

Гендиректор взглянул на него в упор.

– Если б я хорошо не знал тебя, то подумал бы, что ты провокатор.

Артём опустил взор.

– Олег Тимофеевич, я же не в том смысле...

– А в каком? Я могу и тебя спросить: нам нечего скрывать? Но, веришь ли, у меня хватает мозгов на то, чтобы... – Ракитин выхватил у секретарши плащ. – Твоя взяла: надену.

Ступай, отксерь мне копии бланков.

Обиженно засопев, секретарша удалилась. Пышные бёдра её вызывающе покачивались.

Ракитин смотрел ей вслед чуть дольше, чем позволяли приличия.

– Распустил я вас, ребята. – Он обернулся к начальнику управления. – Не хотелось бы мне поссориться с тобой, Артём. Но если ты так настроен...

– Как я настроен? – перебил Карпов, глядя в пол. – Танцевать мне, что ли? Научите, как отвечать на вопросы.

Гендиректор положил руку ему на плечо.

– Отвечай честно о том, что знаешь. За исключением... понимаешь сам, объект у нас режимный. И без истерик, дружок. – Ракитин вызвал лифт. – Журналиста Могилевича держи на расстоянии: тёмный тип. Сотрудничай с барышней из той же газеты. Она, хоть и нагловата, но при такой внешности... – Гендиректор подмигнул, шагнув в лифт. – Дерзай, Артём. Не будь шлангом. – Лифт закрылся и заскользил вниз.

На первом этаже Ракитин пересёк вестибюль, вышел на крыльцо и вдохнул майский воздух. Даже здесь, недалеко от центра Москвы, точно в лесу, оголтело щебетали птицы. Ракитин направился к своей служебной коричневой «школе». Неподалёку от автомобиля его перехватили два охранника с Артюхинской станции, пожилой короткостриженный и чернобрый молодец.

– Вызывали, Олег Тимофеевич? – уточнил пожилой. – Мне передали час назад, ну и мы сразу...

– Не здесь, – поморщился гендиректор. – В кабинет надо было... Как у вас там?

– Всё ништяк, ни одна мышь... – затараторил молодой, но под взглядом пожилого осёкся.

Пожилый посмотрел в глаза гендиректору.

– Полиция чуток помелькала. Журналист шнырял. Въедливый. Какие будут указания?

Ракитин посмотрел в глаза охраннику.

– Последи, чтоб ограду починили и покрасили. Прокуратура обещала завтра вернуть прутья, все четыре. Знаю, что обязанность не твоя, Борис Иванович, но проследи, будь другом. – Гендиректор перекинул плащ с руки на руку. – На счёт журналиста – спокойно и вежливо: стоп, дорогой, сюда не положено, а туда нельзя. Без футбольных приёмов, пока не дам отмашку. – Ракитин приоткрыл дверцу «шкоды» рядом с шофёром. – Нужны тишина и спокойствие, Борис Иванович. Думаю, ты меня понимаешь.

– Без проблем, Олег Тимофеевич, – кивнул охранник. – За починкой ограды прослежу.

Гендиректор сел в машину и укатил.

Молодой охранник высказал обиду:

– Дядь Борь, чё ты рот мне затыкаешь? Типа я чмо позорное.

Взгляд пожилого блеснул, как лезвие бритвы.

– Слушай сюда, Шурик. Эту лоханку дрючить завязывай. Она теперь вдова и у ментов под присмотром. Усёк?

Молодой хохотнул:

– И ночью присматривать будут?

В ответ дядя Боря локтём заехал Шурику в живот и подождал терпеливо, пока тот продышится.

Готовая к схватке Рита караулила Могилевича у кабинета редактора, но «звезда журналистики» выходить не торопилась. Стоило, однако, Рите покинуть пост, чтобы выпить кофе с булочкой (ничего другого до зарплаты она позволить себе не могла), как «перец с портфельчиком» нарисовался и едва не слинял. Спасибо Лёве Бокову, тормознувшему «звезду» с целью вымогания денег.

– Старик, – ответил Могилевич, – я кредитую тебя только за час до конца света. Не прозевай.

Лёва принял боевую стойку.

– О'кей, давай драться. – Рубаха навывпуск обтягивала его животик. Задрав ногу по-киношному, он продемонстрировал потёртый сандалет. – Кийа! Защищайся, трус!

Наблюдая эту сцену. Рита едва сдержала смех.

Могилевич сморщил нос.

– Душ бы, что ли, принял от скуки. А, Лёвик? Сперва будет неуютно, потом, глядишь, понравится. – Он плавно обогнул Бокова в направлении коридора.

– Хрен с тобой, – нимало не смутился Лёва. – Давай обсудим радужные перспективы нашей экономики.

– Обсудим. – Могилевич пятился к нему лицом. – Но хотя бы рубашку смени.

Пятясь, «гроза коррупционеров» натолкнулся на Риту,

сказал «извините» и, похоже, думал этим отделаться. Ха! Рита ухватила его за локоток.

– Можем поговорить? Чисто по-пацански.

Могилевич качнул портфельчиком.

– Не сегодня. К разговору с вами следует готовиться. Я ещё не в той лиге.

Боков распахнул глаза и уши.

Рита жгла Могилевича взглядом.

– Засунь свои сарказмы себе в анус. Мы поговорим немедленно.

«Флагман редакции» покосился на руку, сжимающую его локоть.

– Хватка у вас изрядная. Но боюсь, в данный момент вам придётся выступать соло.

– О'кей. – Рита притопнула каблучком. – Боков, отвянь! Когда я солирую, свидетели страдают!

Лёва поднял вверх руки и, удаляясь, пробормотал:

– В случае эскалации конфликта наденьте бронежилеты.

Когда он исчез, Рита сквозь зубы процедила:

– Ты не пуп земли. Ты эгоистичный жлоб.

– А ты, – Могилевич выдернул локоть из её пальцев, – скромная девочка из Твери. Характер ангельский, комплексов никаких, а в глазах мечта о фанфарах. Что же дальше, девочка, приятная во всех отношениях?

– Дальше ты уйдёшь с моей дороги, звёздный мальчик. Или я, как в сказке, сильно испорчу твою внешность.

– Нет у тебя дороги, девочка из Твери. Лишь кривлянье да суета. Лучший для тебя сценарий – отдохнуть на обочине, пока эгоистичный жлоб делает свою работу.

Рита обомлела от ярости, потому отреагировала с опозданием:

– Знаешь что... место на обочине я обеспечу тебе!

– Тем и прославишься, – обронил Могилевич, уходя.

Рита энергично прогулялась по коридору, чтобы израсходовать адреналин. По счастью, коридор оказался пустым. Зато в её комнате, кроме Лизы Богарт, кучковались Витя Даль и (конечно же, конечно!) вездесущий Лёва. Они оживлённо беседовали, но при появлении Риты смолкли и воззрились на неё.

– Сплетничаете, коллеги? – кое-как улыбнулась Рита. – Как не стыдно.

– Душа моя, – отозвался Лёва, – само собой, я проинформировал френдов о твоём броске на амбразуру. Это было нечто.

Спортмастер Витя Даль (с бархатистой небритостью щёк и с глазами ясными до опупения) обнял Риту за плечи.

– Знаешь, в чём ты похожа на Игоря? Вы оба посещаете нас не часто, мы по вам скучаем.

Рита выскользнула из-под его руки.

– То есть, – уточнила она, – здесь нет мужиков, способных за меня набить Могилевичу морду?

Лида Богарт (в блузочке и брючках – стройная, как ста-

туэтка) присвистнула. Лёва, глянув на Виктора, с возгласом «кийя!» дёрнул ногой, долбанулся о стул и дурашливо захныкал.

Рита в досаде проговорила:

– О’кей, проехали. Можно, я за свой стол сяду? Нет возражений?

Троица обменялась взглядами.

– Кафе «Пингвин» знаешь? – обратился к Рите ухмыляющийся Лёва. – Мы тут планируем вечером, около семи, вкусить мороженого. Так сказать, открыть сезон. Присоединяйся. Перетрём твою проблему под кодом «Могилевич». О деньгах не беспокойся: спортянка платит.

– На мороженое разорюсь, – подтвердил Виктор.

– Соглашайся, Ритка, – стала уговаривать Лида. – Посидим, расслабимся... Часик, не больше. А то ведь... от стресса до психушки всего шаг.

– Психушка – это про меня, – дипломатично вернул Лёва. – Анализировать нашу экономику, душа моя, лучше всего в бедламе, крышу которого снесло напрочь. Зато про Могилевича могу поведать тебе кое-что полезное для твоей партизанской войны. Соглашайся.

Рита вздохнула.

– Мне ещё тачку из починки забрать надо... – У неё в сумке затренькал сотовый. Рита извлекла его и взглянула на дисплей. Звонил зампрокурора. – Пардон, ребята, дела. – Она вышла в коридор и прикрыла дверь. – Николай Захарович,

вы стали неуловимы, – с укором проговорила она в трубку.

Зампрокурора ответил по-военному:

– Что делать, служба. У меня есть кое-что, надо встретиться.

– Запросто, Николай Захарович. Где?

– Какой ресторан предпочитаете?

– О нет! – простонала Рита – Я ещё от грузинской кухни не оправилась. Сделаем перерыв.

– Ладно,правляйтесь, – с неожиданной лёгкостью согласился слуга Фемиды. – Может, на Пушкинской площади?

– Отлично. У памятника.

– Спереди или сзади?

– Я спереди. А вы, Николай Захарович, прикрывайте тыл.

Зампрокурора хохотнул.

– Ваш юмор всегда бодрит. Кстати, Маргарита, с коллегой Могилевичем проблем не предвидится?

Рита едва не выругалась.

– Вопрос улажен, – соврала она отчаянно. – В общем, я выезжаю.

Отсоединившись, она прихватила в комнате свою сумку.

Затем игриво пихнула Виктора:

– Два кило шоколадного пломбира. С орехами. На мою долю. – У двери она обернулась. – Нет, пожалуй, три кило.

Мухлевать не пытайтесь: после кафе я взвешусь.

По коридору зацокали её каблучки.

Кабинет заместителя мэра по жилищно-коммунальному хозяйству выглядел непритязательно. Взор посетителя не выделял здесь ни единого пустячка, ни излишества, которые осели бы в памяти. Стиль кабинета Ильи Каретникова будто внушал визитёру: говори по делу и проваливай. Сам Илья Михайлович внешностью своей и манерами желания мило потрепаться также не вызывал. Монолитное его тулово, практически лишённое шеи, служило неколебимой опорой шарообразной голове с жиденькими волосами, зачёсанными вокруг лысины. Блёклые глаза его, слегка навывкате, выражали нетерпение и настороженность, несколько оживляя физиономию снеговика, на которого в целом походил заместитель мэра. Походил, невзирая на бежевый костюм, жёлтую сорочку и галстук, почему-то синий с переливом. Олег Ракитин, гендиректор Горводоканала, сидящий, подтянутый и утончённый, рядом со «снеговиком» выглядел, как принц Уэльский в деревенской пивнущке.

Они пили зелёный чай с круассанами, обмениваясь репликами, многие из которых для постороннего уха звучали бы загадочно. Гендиректор Ракитин, деликатно глотнув из чашки, завершил мысль:

– Посуди сам, до того ли мне было. Не склочничай.

– Но обязательства свои ты выполнил? – вперил в него

взор заммэра. – Хотелось бы ясности. Без заморочек.

– Хоть раз я подводил тебя, Илья? Чёрт возьми, на яйцах у меня утопленник повис, идёт следствие...

– В подробностях не нуждаюсь. Уверен, ты оперативно с этим разберешься.

Олег Тимофеевич осторожно отодвинул чашку.

– Известно ли тебе, кем был покойник и чем занимался? Тут, знаешь ли, такое совпадение...

Илья Михайлович протестующе вскинул руку.

– Неинтересно. Своих забот вагон.

– Парень занимался у нас мониторингом...

– Хватит, Олег! Ближе к делу!

Вздёрнув бровь, гендиректор с опаской воззрился в потолок. Заммэра взгляд его расшифровал и хмыкнул.

– Насчёт прослушки не парься, я не о том. – Илья Михайлович цапнул с блюда последний круассан и проглотил без видимых затруднений. – Как поживают мои зелёные птички? Шумилина привёл ты, так что сам понимаешь. И не пой мне про утопленника: спать не буду. Что-нибудь приятное скажешь?

Ракитин криво усмехнулся.

– Твои оригами уже у меня. Расслабься.

Монолитный корпус Каретникова вздыбился в кресле.

– Не понял. Объясни.

– Оригами, Илья Михайлович, – это бумажные журавлики с портретами президентов. На зимовку, обычно, улетают в

кейсах.

– Насчёт оригами, Олег, я в курсе. Вопрос: почему они до сих пор не у меня?

Ракитин вздохнул, демонстрируя ангельское терпение.

– Повторяю: два дня мою контору трясут менты, прокуратура, журналисты...

– А я повторяю: не вешай мне на уши это дерьмо. Ответь на вопрос.

Гендиректор шарахнул кулаком по столу.

– Хочешь, чтобы я с чемоданом сюда заявился?! Нет проблем, сейчас сгоняю!

Заммэра разгладил волосы, обрамляющие лысину, и вдруг хохотнул:

– Зачёт. Ты в форме. – И распорядился: – Сделаем, как в прошлый раз. Вызываю Холина, ты даёшь ему телефон своего курьера, и мы с тобой не паримся. Лады?

Гендиректор жестом выразил согласие.

И точно по команде в кабинет вступила секретарша – пожилая дама в строгом костюме, с пучком седых волос на затылке и взором школьной директрисы.

– Ещё круассанов? – предложила она.

Монолитный Каретников заелозил в своём кресле.

– Спасибо, Эмма Арнольдовна. Олег Тимофеевич уже уходит.

Секретарша устремила на него суровый взгляд.

– Быть может, Олег Тимофеевич ответит сам? Всё-таки

он гость.

Заммэра возразить не осмелился. Возникла пауза, которую гендиректор мстительно подержал. Затем улыбнулся секретарше:

– Спешу, Эмма Арнольдовна. Дела.

И заммэра спешно проговорил:

– Пожалуйста, Эмма Арнольдовна, пригласите ко мне Дениса Алексеевича.

Секретарша взяла со стола две пустые чашки с блюдцами и, лишь выходя, произнесла:

– Если он на месте.

Сдержав смешок, Ракитин полюбопытствовал:

– Кем он у тебя числится, Холин твой?

– Советник по оптимизации бюджета. А что?

– Умница, Илья. Снимаю шляпу.

– Стараемся, – хохотнул Илья Михайлович. Настроение его заметно поднялось. – Журналисты, говоришь, напирают? Олег, ушам не верю. Тебя ли учить?

Гендиректор пожал плечами.

– Могилевич. Слышал про такого?

– Слышал, и что с того? Плюнь да разотри.

– Он и к тебе, Илья сунуться может. Заинтересуется, к примеру, новой линией сортировки ТБО.

– Как сунется, так и высунется, – отмахнулся заммэра. – Я его не приму. А начнёт пыль поднимать...

Угроза не прозвучала, поскольку явился тот, кого жда-

ли, – «советник по оптимизации бюджета». Ухоженный субъект лет по сорок, в костюме и при галстукe, которые смотрелись на нём как армейская форма. Лицо его притом было неглупым и даже привлекательным. Однако при беглом взгляде на «советника» становилось очевидно, что мужчину этого нужно обходить стороной. Бог весть почему – возможно, первобытный инстинкт срабатывал.

Вежливо кивнув Ракитину, вошедший обратился к непосредственному начальству:

– Звали, Илья Михайлович?

– Если б не звал, ты бы не явился, – проворчал заммэра. – Проводи Олега Тимофеевича. Запиши телефон, который он продиктует, и позвони по нему... – заммэра скосил глаза на гендиректора, – думаю, завтра. Пороть горячку не будем. Короче, Денис, как обычно. Могу я не волноваться?

– Было б о чём, – ответил Денис, выжидательно глядя на Ракитина.

Олег Тимофеевич поднялся, заммэра привстал, и они зафиксировали рукопожатие.

– Созвонимся, – обронил гендиректор у двери.

– С Могилевичем не парься, – бросил вслед ему Каретников. – Отфутболь сучару ко мне.

– А ты его не примешь, – закончил мысль Олег Тимофеевич, шагнув за дверь.

Оба хохотнули. На сей раз согласованно.

«Советник по оптимизации бюджета», конвоирующий Ра-

китина к парковке, сохранял буддийскую невозмутимость.

Переулочек, узенький, кривой и практически безлюдный, находился метрах в двухстах от Артюхинской станции Горводоканала. Припарковавшись на тротуаре переулочка, Игорь Могилевич в своём «вольво» ожидал лжесупругу покойного главпеца. Вскоре особа эта, заплаканная и сердитая, дёрнув дверцу машины, юркнула на переднее сиденье. Худенькая и растрёпанная, она выглядела подростком.

– Что за шпионские игры? – буркнула она. – Всё утро вы с Карповым бродили по цехам, трепались с кем попало...

– Сколько вам лет? – перебил Игорь. – Больше восемнадцати?

Глаза её блеснули.

– Вчера тридцатник стукнул. Именно вчера!

– Поздравляю. Дети есть?

– Сыну восемь. А при чём тут...

– Пытаюсь понять, излечим ли ваш клинический идиотизм.

– Лечите себя, Могилевич! Если вы намерены продолжать в таком тоне, я сейчас же уйду!

Игорь резко к ней развернулся.

– Выметайтесь. Если в ближайшее время с вами вдруг произойдёт несчастный случай, скажем, в лифте, государство о вашем сыне позаботится. Вы умрёте с надеждой.

Женщина будто оледенела.

– Да, я позвонила вам сама, – произнесла она после паузы. – Не знала, что делать, куда кинуться. А вы меня не разыскиали, только мотались по цехам...

– Стоп! – вновь перебил Игорь. – Давайте объяснимся. При нашем знакомстве, Ира, вы были представлены мне как жена Василия. Но оказалось жена у него другая.

– Господи! – женщина закрыла лицо ладонями. – На этой бляди клейма ставить негде. С кем только она не путалась, с охранником даже. Васин развод был уже назначен...

– Простите, Ира. – Ни взгляд, ни голос Могилевича сочувствия не выражали. – Оставьте этот сюжет для своих мемуаров. Позвольте мне объяснить наши с вами шпионские игры. По цехам, как вы заметили, я мотался, создавая образ занудливого газетчика. Для моих целей необходимости в этом не было: в принципе, всё и так ясно. Однако роль моя позволяла беседовать со вдовой Травкина, не привлекая к вам особого внимания. Одно дело – взять интервью у супруги погибшего, совсем другое – ринуться ни с того ни с сего на поиски заведующей химлабораторией. В данной ситуации засветить вас я не имею права. И на этом я чуть не прокололся. Врубаются?

Ирина отвернулась к окну.

– Более-менее.

– Хоть что-то. – Игорь взглянул на часы. – Теперь пара вопросов в режиме «блиц», и по шпионски расползаемся.

Василий побывал на приёме у Каретникова?

– Нет. Вы же сами его отговорили.

– Значит, послушался.

– Но он был у Ракитина. Перед праздниками.

– О чём у них шла речь?

В досаде Ирина хлопнула себя по колену.

– Не знаю! Не знаю! Мы поцапались, и я на дачу рванула...

– Вопрос следующий, – продолжил Игорь. – Возможно ли искусственно спровоцировать сигнал датчика о чрезвычайном загрязнении воды? Тот сигнал, на который отреагировал Василий.

Брови Ирины приподнялись.

– Запросто. Мешок поваренной соли сыпануть в воду...

А вы думаете, что...

– Думаю. Вам известно, с каким именно охранником путалась жена Василия? Маячит у вас там красавец – здоровьем пышет, ходячая реклама хотдогов. Не он ли, случаем?

Ирина удивлённо кивнула.

– Ну и скажут же вопросыки ваши.

– Вот последний, – пообещал Игорь. – Не сбросите ли мне на имэйл записи Василия о полигоне ТБО между Савеево и Солнечным? Не проблема?

– Да нет, в общем. Если отсканировать...

– Записи в бумажном виде?

– Компьютеру Вася не доверял, поэтому завёл специальную папку. Она у меня.

У Игоря будто гора с плеч свалилась.

– Замечательно! Дадите на время?

– Разумеется. – Ирина приоткрыла дверцу машины. – Это всё?

Игорь вздохнул.

– Замрите там и не высовывайтесь. Не звоните мне со своего мобильного. Я сам свяжусь с вами.

Шагнув на тротуар, Ирина усмехнулась:

– По-шпионски?

– В лучших традициях. Мы с вами отберём пробы на полигоне ТБО и в прудах посёлка Солнечный. Согласны?

– Насколько я помню, Могилевич, именно это Вася вам и предлагал.

– А я ему ответил, что дело рискованное. И поэтому сейчас спрашиваю: можно ли провести анализы у вас в лаборатории? Без малейшего шума.

– Легко. – Лжесупруга Травкина захлопнула дверцу.

Выждав минуту-другую, Игорь выехал из переулочка.

Майское солнце, уже «утомлённое», поблескивало в очках зампрокурора Малеева. Слуга Фемиды, заложив руки за спину, таращился на памятник Пушкину, словно тот крупно провинился, но сознаваться не желает. Возможно, поэтому Пушкин не смотрел в глаза представителю закона и, как бы ища поддержки, устремлял взор на приближающуюся стажёрку Володину.

Рита коснулась плеча зампрокурора.

– Привет. Вот она я.

Малеев обернулся.

– Вечно вы опаздываете, Маргарита.

– Спешила, как могла, – парировала Рита. – Будем пререкаться, Николай Захарович, или информацию сливать?

Зампрокурора не сдержал улыбки.

– Даже не знаю, как на вас реагировать.

– Реагируйте адекватно. Что у вас для меня?

– Может, присядем на лавочку?

Рита качнула «конским хвостом».

– Прогуливаться будем. Кругами.

Зампрокурора нахмурил брови над очками, но подчинился. Они побрели по часовой стрелке вокруг памятника. После минуты молчания зампрокурора вздохнул.

– Станный разговор возник у нас вчера. Шла речь о сек-

се, но как-то сбивчиво.

Рита остановилась.

– Вчера, Николай Захарович, вы бессовестно меня подпоили. Прошу забыть моё нескромное поведение. Право, я краснею с ног до головы. – Она щёлкнула пальцами. – Сфокусируйтесь, Николай Захарович! Сперва информация, потом брачные танцы, о'кей?

– Ладно, – буркнул зампрокурора, и они возобновили хождение. – Насчёт Могилевича, должен заметить...

Рита в досаде притопнула.

– Опять Могилевич! С ним у вас секса не будет, гарантирую!

– Поймите, Маргарита, – пояснил зампрокурора, – ваш коллега портачит, а расхлёбывать приходится вам. Мне, к примеру, известно...

– Как именно он портачит? – осведомилась Рита.

– Давит на собеседников, позволяет себе оскорбительные инсинуации, гнёт какую-то свою линию... – Николай Захарович поправил очки. – Вот, к примеру. Внушил следственной группе идею о том, что главспеца убили одним из прутьев от металлической ограды. Притом что версия убийства ничем пока не подтверждается: нет ни мотива...

– Экспертизу прутьев провели? – бесцеремонно перебила Рита.

Зампрокурора возвёл очи к небесам.

– Пришлось. Не обнаружили ни крови, ни отпечатков –

только ржавчина. Капитан Кирко повёл себя в этом деле, как салага. Есть мнение, что придётся его...

– Николай Захарович, – вновь перебила Рита, – если всё же допустить, что произошло убийство, то коню ясно: убил кто-то из своих. В этом случае, если копнуть, мотив отыщется. Какие-то личные счёты или главспец про кого-то что-то узнал и тем самым стал опасен. Мало ли.

Зампрокурора издал смешок, но глаза его за стёклами очков выразили настороженность.

– Ну и фантазия у вас, Маргарита! Кто вам внушил, что в убийстве, даже если допустить таковое, замешан непременно кто-то из своих?

Они фланировали вокруг памятника Пушкину. Светило «утомлённое солнце, народ грелся на лавочках, и неподалёку, визжа от восторга, резвилась ребятня. Рита скосила глаза на работника юстиции.

– Должна огорчить вас, Николай Захарович: я не дура. Это ж надо! Некто посторонний проник на режимный объект, в кустах подстерёг главспеца, который по сигналу датчика, чисто случайно ринулся брать пробу, огрел парня по кумполу и пустил плавать среди мусора, после чего исчез бесследно, миновав охрану. Воистину, чтобы представить такое моей фантазии не хватает. По-моему, Николай Захарович, если версия несчастного случая в итоге не прокатит, убийца сильно прокололся, избрав местом действия Горводоканал. А как по-вашему? Не для печати.

Вышагивая рядом, зампрокурора смотрел под ноги. Точно боялся споткнуться.

– Логично в теории, – отозвался он. – Но покамест несчастный случай выглядит убедительно. Впрочем, следствие не закончено, и могу сообщить, что... э-э... – Он запнулся, взвешивая слова. – Есть мнение, что Кирко напортачил и от руководства группой его нужно освободить.

Рита распахнула серо-зелёные глаза.

– Ну и? Николай Захарович, не томите.

– Завтра, видимо, определится, кто возглавит следствие. Предположительно... да нет, я уверен, что смогу настроить нового руководителя на сотрудничество лично с вами. Разумеется если... э-э... – зампрокурора продолжал полировать взглядом асфальт, – если вы будете сотрудничать со мной.

Рита остановилась, положила руки ему на плечи и прошептала на ухо:

– Обещаю, котик: от оргазма у тебя выпадут зубы. – И в полный голос добавила: – Но, как говорится, утром деньги – вечером стулья. Чем полезней информация, Николай Захарович, тем стулья крепче. – С этими словами Рита направилась к метро, приковывая к себе взоры окружающих.

Зампрокурора Малеев, застывший в лёгком оцепенении, одинок не был.

В тихом дворике «вольво» Могилевича стоял у лестницы, ведущей в полуподвал с бронированной дверью. За дверью этой, в спортзале, под прессингом майора управления «В» более часа Игорь отрабатывал сперва агэ дзуки, затем ёко гэри. Одетый лишь в боксёрские трусы Могилевич был покрыт потом, но тренер спокойно и методично трепал его как тузик грелку. Агэ дзуки – удар сгибами пальцев в голову или в шею, а ёко гэри – техника удара ногой вбок. «Ножками – ручками, ручками – ножками, – подтрунивал майор Агапов, блокирую удары Игоря, ускользая и оказываясь вдруг за спиной. Затем добавлял отечески: – Не заводись, Клеветник России. Сохраняй в себе пустоту.» Агапов также был в трусах, однако на его теле, как на артиллерийском снаряде, пота не наблюдалось.

Наконец, Игорь сказал обессиленно:

– Хватит, Машина Для Убийств. Я сдох. – Он двинулся к двери, досадуя на свою неуклюжесть.

Тренер вслед усмехнулся:

– А поклониться?

– После душа, – буркнул Могилевич.

Помывшись тщательно и с удовольствием, Игорь уже в костюме и с портфелем вернулся в спортзал. Лишь обувь, как положено, оставил за порогом. И как положено тренер

и ученик, хоть и с опозданием, поклонились друг другу. Затем присели на скамейку, стоящую вдоль стены. Сидели правильно, в расслабленных «кучерских» позах.

– Может поделишься? – произнёс майор Агапов.

– Угу, – кивнул Могилевич, – когда наконец обнаружу в себе буддийскую пустоту. Где-то завтра-послезавтра.

Майор выпрямил спину.

– Планируешь вариант «Б»?

Игорь глянул на него с удивлением.

– С тобой, Григорий, опасно сидеть рядом.

Майор отмахнулся мозолистой дланью.

– Сам же вчера сказал, я понадоблюсь.

– Похоже на то. – Игорь поднялся. – И Лёху неплохо бы задействовать. Не возражаешь?

– Настолько всё хреново?

– Предпочитаю страховаться. Тут девчонка бедовая, стажёрка из нашей газеты, лезет в этот гадючник без оглядки. Если б Лёха ненавязчиво её поохранял...

– Покалечить могут?

– В лучшем случае. Когда я подниму волну, терять им будет нечего.

Майор собрался было выругаться, но, вспомнив наставления Будды, сдержался.

– Лёха не подведёт, – заверил он. – С генералом согласишься?

Игорь бросил взгляд на часы.

– Сегодня же.

Агапов встал напротив Могилевича, и они вновь друг другу поклонились, синхронно произнеся: «Сэнсэй».

– Кино с подогревом, слёзы капаят, – прокомментировал увиденное вошедший атлет с усами. Мышцы на его обнажённом торсе бугрились от избытка силы. – Господин газетчик вновь посетил нашу лачугу. От счастья Гриша Агапов переломился пополам.

Игорь насмешливо взглянул на тренера.

– А вот и Лёха, парень-гвоздь. – Обойдя атлета, он обулся и ушёл.

Хозяин зала хмуро посмотрел на Лёху.

– Высказался? Или в заначке что-то оставил?

– Гринь, честно, у тебя крыша поехала, – заволновался усач. – Какой на хер он сэнсэй.

Григорий прошёлся по залу, затем произнёс:

– У Ленки моей спроси. И у моего сына Вовки.

– Что спросить?

– Какой он на хер сэнсэй. Они тебе разъяснят.

Лицо усача выразило растерянность.

– Прости, не въезжаю.

– Расскажу – не поверишь, – улыбнулся вдруг тренер. – Разминайся давай.

Лёха запротестовал:

– Нет, если уж ты начал...

– Капитан Лапин! – гаркнул Григорий. – Работаем броски!

– Не броски, а удары. Броски, майор Агапов, мы работали вчера.

– Вчера, Лапин, ты телепался, как таракан в сметане. Незачёт.

– Кто телепался? Я...

Договорить он не успел: Ноги его взлетели в воздух, а лопатки через миг впечатались в матрас.

В допотопный гараж на допотопной улочке Рита вошла, покачивая бёдрами, и с небрежностью герцогини осведомилась:

– Платье моё достаточно коротко или надо подправить?

Мастера Гурам и Вадик, отстранившись от полуразобранной колымаги неизвестной марки, обратили к ней чумазые физиономии. Волосами, собранными в хвост, Вадик смахнул нечаянно клок пакли с воротника своего промасленного комбинезона.

– Никогда не достаточно! – засмеялся он. – Подправь, пожалуйста!

Но Гурам укоризненно склонил кудрявую голову.

– Опять на этом акцентируешь. Хватит, слушай.

Рита лучезарно улыбнулась.

– О'кей, где моя тачка?

Машину ей тотчас предъявили. Свежевымытый серебристый «ауди» выглядел помолодевшим. Кружа на нём в окрестности гаража, никаких неисправностей Рита не обнаружила. Остановившись возле наблюдавших за ней автослесарей, она опустила стекло и промурлыкала:

– Мальчики, слов нет. Тысяча благодарностей. – И, помедлив как бы в нерешительности, продолжила: – Благодарностей будет миллион, если набьёте морду одному типу. На-

бьёте так, чтобы он три дня фингалы залечивал. Впряжётесь в это?

Автослесари переглянулись.

– Ты серьёзно, эй? – усомнился Гурам.

– Более чем, – подтвердила Рита. – Потом поляну вам накрою и гуляем до утра. Минута вам на размышление.

Переглядки автослесарей, однако, длились дольше. Затем почти синхронно Гурам поинтересовался «кому?» и Вадик спросил «когда?»

– Завтра. – Рита улыбнулась Вадиду и обратила знойный взор на Гурама. – Плохому парню. Самовлюблённому и наглому.

– Пристаёт? – предположил Гурам.

Рита потупилась.

– Просто жизнь отравляет. Хоть вешайся.

Вадик покосился на Гурама и, поймав его одобрение, режюмировал:

– Командуй, куда подрулить.

Рита чуть подумала.

– Возле нашего газетного домика, – сказала она, – есть парковка, окружённая чёрт знает какими зарослями. Приземлись там зелёные человечки, никто этого не втюхает. Ехать отсюда – около получаса. Если хмырь завтра прикатит и там припаркуется, звоню вам, диктую адрес...

– ...и мы выдвигаемся, – задорно продолжил Вадик. – Звони минут за сорок. Чтоб наверняка.

– Само собой, – скривила губы Рита. – Я и сама ему врежу.

Возражений нет?

Вадик прыснул:

– Ну ты по ходу крутая!

Гурам опять же уточнил:

– А если он завтра не прикатит?

Рита Володина тряхнула «конским хвостом».

– Не прикатит – тогда отбой. Значит, повезло ему, звезду.

Подняв стекло, она лихо развернулась и уехала.

Вадик подмигнул Гураму, и напарники хлопнула ладонью о ладонь. И, как бы иллюстрируя своё отношение к предстоящей экзекуции, Вадик высморкался на распоротую автомобильную шину.

В результате долгих манёвров Могилевич втиснул свой «вольво» меж иномарок у дома редактора. Причём втиснул столь плотно, что еле выбрался наружу. А когда выбрался, задев дверцей соседний «рено», за спиной услышал девичий голос:

– В Самаре, что ли, загорел? Или на тебе макияж?

– Брысь, Машка! – проворчал Игорь, пятясь в узком проходе. – Прибереги эти приколы для папахена.

Девушка, русоволосая, синеглазая и принаряженная, наблюдала за тем, как выбирается он из автомобильного лабиринта.

– Папахен тебя ждёт, – объявила она. – И Димон изволил прибыть. На ужин котлеты «по-киевски» с австралийским «каберне». Рапорт сдан.

Они с Могилевичем расцеловались.

– А ты куда? – строго осведомился Игорь. – На свиданку небось?

– Ничего серьёзного, – отмахнулась девушка. – Скорей, для тренировок.

Могилевич оттолкнул её легонько.

– Ну и вали. Без тебя лучше.

Он шагнул в направлении подъезда, но девушка преградила ему путь.

– Сперва договоримся, – потребовала она. – Я в деле, Игорьёк – тоже. Мы с ним только что созвонились... Не таращь глаза: мы знаем, что намечается вариант «Б».

Могилевич нахмурился.

– Охренеть. Пассажиры в метро, надеюсь, тоже в курсе.

Девушка фыркнула.

– Не надо грязи. Такими вы нас воспитали: мы во всё суёмся. Поздняк метаться, дядя Игорь. Дай нам с Игорьком задание, не то бунт поднимем, бессмысленный и жестокий. Упреждаю твои отмазки: в универе у меня полный ажур, у Игорька в школе ништяк. Прояви мудрость, гуру, позволь нам участвовать.

– Машка, ты пиявка, – вздохнул Игорь. – Жду тебя с Игорьком послезавтра, в четверг то есть, в девять утра. Не сможете или опоздаете – значит не срослось. Тогда уж без обид.

– Не надейся, будем как штык. – Девушка, пританцовывая, двинулась прочь и на ходу обронила: – Передай им, что я сделала тебя вот так. – Она щёлкнула пальцами.

Могилевич задумчиво направился к подъезду, вошёл и поднялся в лифте. Дверь ему открыла молодая женщина в джинсах, в мужской рубашке навыпуск и с волосами до плеч.

– Беглый обмен поцелуями, – распорядилась она, – и садимся жрать. В животах победно бурчит.

Сняв обувь, Игорь сказал:

– Инга, извини. Велено передать, что она сделала меня вот

так. – Он щёлкнул пальцами. – Просто опомниться не успел.
– Она может, – вздохнула Инга. – Помой руки – и на кухню.

В трёхкомнатной квартире Фроловых кухня дизайном и размерами не поражала. На ней, однако, было так уютно, что немногочисленные гости этой семьи в комнаты забредали редко: на кухню входили, пили-ели, общались и прямым с кухни разъезжались по домам. К этому все привыкли, всех это устраивало.

Окна кухни выходили на запад, и майский закат, окропивший сервировку на столе, вынудил Могилевича зажмуриться. Толик Фролов, как и жена его, в джинсах и в рубаше на выпуск, поблёскивая бритой макушкой, откупоривал австралийское вино. У стола взад-вперёд прогуливался сероглазый брюнет ростом под метр девяносто, с аккуратной стрижкой и волевым подбородком. Он был в брюках, в тонкой белой сорочке и в тапочках. Пиджак его и галстук висели на спинке стула. Жердьяй покосился на вошедшего Могилевича.

– Крысоловом решил заделаться? Хочешь увести детей дудкой?

Раскладывая у приборов бумажные салфетки, Инга возразила:

– Дети не твои, Димон, а наши общие.

– И к тому же, – поддержал жену Толян, – где у Могилевича дудка? – С хлопком вытащив пробку, он подмигнул Игорю. – Вина хряпнешь?

Игорь кивнул.

– Полбокала. – Он снял пиджак и повесил поверх пиджака хмурого брюнета. – О детях, Димон, не беспокойся. Ваше дело – рожать, моё – подвергать их соблазнам.

– Да, – сказала Инга.

– Факт, – подтвердил Фролов.

Димон хмурился с трудом.

– Знаете что... я генерал, а вы заткнитесь!

Игорь, Инга и Толян молча вытянулись по стойке «смирно».

Генерал присел к столу.

– Теперь давайте жрать.

Они ели котлеты «по-киевски», запивали вином и трепались о пустяках, радуясь встрече. Вскоре, однако, Могилевич перешёл к делу.

– Флешку ему передал? – кивнул он на генерала.

– Конечно. – Толян пригубил вино. – И вкратце обрисовал коллизию.

– А до того, – встряла Инга, – для разминки, обрисовал коллизию мне. В присутствии Машки, разумеется. И Машка, не теряя времени, эту, блин, коллизию обрисовала Игорьку. И вот мы трескаем котлеты, и шерсть у нас дыбом. Положить салатику, Димон?

– Клади, – кивнул генерал. – Пока я не свихнулся.

Фролов глянул на жену.

– Ты это к чему?

Инга чмокнула его в щёку.

– Горжусь нами. Кроме шуток.

– Итак, – вмешался Могилевич, – поговорим о гидросепарации ТБО. Твёрдых бытовых отходов то есть.

Димон застонал.

Игорь невозмутимо продолжил:

– Гидросепарация сортирует измельчённый мусор по фракциям, отделяя органику от металлов, камней, стекла и прочего. Между тем в Москве у нас, как известно, система раздельного сбора мусора не налажена, а гидросортировка, увы, не способна отделить пластиковые бутылки от органической части ТБО. И это, ребята, весьма хреново. – Игорь бегло обозначил экологические проблемы, которые перечислил ему главспец Травкин. Большие деньги, безоглядное воровство, великие беды. Полигон ТБО, или попросту свалка, между деревней Савеево и посёлком Солнечный, по уверению Травкина, таит в себе опасность смертельную. – И об этом, подчеркнул Игорь, – покойный главспец многократно предупреждал своего гендиректора. Просто плешь ему проел. Технология, однако, безнадёжно была нарушена, деньги, как водится, распилили. И вот поди ж ты, в частных прудах посёлка Солнечного сталидохнуть рыбки. Василий узнал об этом на прошлой неделе, встретился со мной, я усвистал на конгресс в Самару, ну и... Разве я не молодец?

Повисло молчание.

Затем генерал положил руку на плечо Могилевичу.

– Противовес уже построил?

– Более-менее, – кивнул Игорь. – Либо Ракитин – Каретников, заммэра по ЖКХ, либо, если в убийстве замазаны оба, кинусь к Хохлову. Дача у него, кстати, как у Шумилина Аркаши, в посёлке Солнечный. Что называется, свежо.

Инга любопытствовала:

– Кто такой Хохлов?

– Темнота, – упрекнул жену Толян. – Это мин! эконом! развития! Вице-премьер. Ненавидит Каретникова и встречается притом полную взаимность.

– Неплохо, – одобрил генерал. – Должно сработать.

Мужчины призадумались, но Инга вновь не удержалась:

– Если всё так замечательно, почему вариант «Б»?

Могилевич к ней обернулся.

– Что светит нашему фигуранту в случае разоблачения?

– В уголовном праве я не сильна. Моя специализация, если ты забыл, – бракоразводные дразги и делёж имущества.

– Даю тебе шанс надуть щёки.

– Ну, из общих соображений, с учётом убийства... – Инга надула щёки, – вплоть до пожизненного. И что с того?

Вместо Игоря ответил генерал:

– То, что терять ему особо нечего. Имитируя несчастный случай на работе, фигурант сильно рисковал. Если убийство всё же обнаружится, мотивы, средства и возможность неизбежно приведут к нему. Видимо, он рассчитывал на прочность своей «крыши», способной повести следствие куда на-

до. Ясен пень, журналюга с репутацией Могилевича, владеющий притом информацией, можно сказать, из загробного мира, опасен для него смертельно. Вариант «А», безусловно, здесь не канает.

– К тому же, – подхватил Фролов, – ещё и стажёрка наша неуёмная сюда окунулась. Как говорится, всё до кучи.

Брови генерала приподнялись.

Незаданный вопрос озвучила Инга:

– Что за стажёрка?

– Это геморрой величиной с арбуз.

– Со стажёркой уладим, – перехватил инициативу Игорь. – Насчёт его «крыши», Димон. Не прошерстить ли у вас в Конторе?

Генерал кивнул задумчиво.

– Попробую пощупать. Даже знаю кого.

– В таком случае, – подытожила Инга, – доедайте, допи-
вайте. А после кофе, надеюсь, Димон почитает нам свои сти-
хи.

Покраснев, генерал качнул головой.

Толян поддержал жену:

– Прочтёшь как миленький.

И Могилевич добавил жару:

– Не приставайте. Поэт имеет право капризничать.

Генерал хлопнул ладонью по столу.

– Засранцы, вы поломали мне жизнь!

Игорь с Толяном переглянулись.

– Он это просёк, – прошептал Игорь.

– Ой, что теперь будет? – отозвался Толян.

Обнявшись, они захныкали.

Димон смеялся вместе с Ингой, однако стихи на сей раз читать не стал. Капризничал.

Кафе «Пингвин» от посетителей не ломилось, потому, возможно, что народ не оклемался ещё после майских праздников. Интерьер кафе – мебель, стены, пол и потолок – был исключительно сине-белым. Дескать мы тут среди снега, льда и морской воды, и холодное небо над нами. Гавайская рубаха Лёвы Бокова здесь выглядела вызывающе. Впрочем, как отметила про себя Рита, рубаху Лёва успел сменить, и потом от него не пахло. Упрёк Могилевича, очевидно, принят был к сведению. Перед Лёвой стоял графинчик с коньяком, и он, Лёва, заметно уже под мухой, делился с коллегами всеобъемлющей своей мудростью. Витя Даль прятал усмешку в небритость своих щёк. Лида Богарт на бумажной салфетке рисовала фломастером рожицу Лёвы, рисовала классно.

Сев за столик, Рита восхитилась:

– Подаришь?

Лида кивком указала на Виктора.

– Это ему. Плата за ужин.

Прервав свою витиеватую реплику, Лёва приобнял Риту.

– Душа моя, опоздала – сиди тихо как мышка. Позволь закончить диатрибу. – Язык его слегка заплетался. – Врубись наконец, – обратился он к Виктору, – экономика – всего лишь набор шаманских приёмов: зазывания, прыжки и

удары в бубен. Наш девиз: «Делай вид, будто смыслишь. Избегай предсказаний. Ответственности не бери.» Ну и, само собой, заучи глоссарий: деривативы, капитализация, рецессия...

– Так зачем ты этим занимаешься? – перебил Виктор.

– Затем что я, – Боков хлопнул себя по задку, – вот этим местом чувствую, когда и каким словом плюнуть в гоблинов.

Завершая рисунок, Лида прокомментировала:

– Циничненько.

Лёва обернулся к ней.

– Айм сори, душа моя. Не добавить ли сиропа?

– Где моё мороженое? – напомнила Рита. – Шоколадное.

Три кило.

– Ах, я остолоп! – Лёва плеснул себе в рюмку из графинчика. – Душа моя! – окликнул он официантку. – Могу я вас ангажировать?

Девчонка в кружевном передничке, на которую Боков, похоже, произвёл ошеломляющее впечатление, приняла заказ и упорхнула с ощущением высокой своей миссии. Лида меж тем украдкой передала Виктору салфетку с портретом Лёвы. Спортмастер прыснул, чуть не поперхнувшись яблочным соком, и спрятал салфетку в карман.

Рита осведомилась небрежно:

– Кто-нибудь в курсе, ожидать ли Могилевича завтра?

На мгновение все примолкли.

– Сие только Богу известно, – ухмыльнулся Лёва, смакуя

коньяк.

Виктор воззрился на Риту глазами ясными до опупения.

– Тебе зачем?

Лида сморщила носик.

– Она заиклилась на Могилевиче. Отдохни, Ритка: перемирие.

– Вот и я о том же, – отыграла назад Рита. – Может, удастся с ним как-то миром...

К счастью, официантка принесла ей мороженое. Шоколадное с орехами. Не три кило, конечно, однако вполне солидная вазочка. И фужер с яблочным соком. Рита, голодная до головокружения, волевым усилием, удержалась от того, чтобы проглотить лакомство вместе с посудой. Лилипутской ложечкой она принялась есть как бы нехотя.

Лёва Боков, перед которым вместо опустевшего графинчика возник наполненный, качнул сократовским лбом.

– Поскольку «Наполеоном» вы брезгуете...

– Мы за рулём, – ввернула Рита. – Прости, брат.

– ...поэтому, – продолжил пьянеющий экономический аналитик, – попробуйте задаться вопросом: почему Игоряшу Могилевича в наших кругах кличут Могильщиком?

Лида насмешливо закатила глаза к потолку.

Виктор пожал плечами.

Рита ответили так же, как ответила заместителю прокурора:

– Скорей всего, из-за фамилии. Чего проще.

Не услышав других версий, Лёва показал коллегам средний палец.

– Вот вам фамилия, душа мо... души мои! У Игоряши имеются две особенности, отличающие его от собратьев, которые шебуршат грязное бабло и коррупционные схемы. Какие это особенности, кто скажет?

– Он пишет блестяще, – отозвалась Лида.

Лёва отмахнулся.

– Я тоже пишу нехило, другие – тоже. Фигня всё это. Первая особенность Игоряши заключается в том, что каждая его публикация завершается арестом плохого парня. Обычно у нас как? Журналист, проведя расследование, публикует статью, где слуга государев, к примеру, предстаёт людоедом с педофильским уклоном. Журналист приводит доказательства, либеральная общественность выпрыгивает из пижам, и что в результате? Ни внятных опровержений, ни отставки – тишина, как после атомного взрыва. Мол, срать мы на вас хотели. Иное дело – Могилевич. Про кого ни напишет – тот или садится, или объявлен в розыск, или в СИЗО коньки отбросил. За такую вот жуткую эффективность Игоряшу и прозвали Могильщиком. Фамилия по звучанию совпала. – Лёва плеснул себе коньяку и выпил залпом.

Рита, замерев с ложечкой у рта, задумчиво пробормотала:

– Как ему это удаётся?

Лёва развёл руками.

– Шут его знает. Имеется, напомним, и вторая его особен-

ность. В отличие от коллег, работавших в той же группе риска, Игоряшу до сих пор не грохнули, не покалечили и даже не побили. И это в нашем-то суверенном отечестве. Тут вон спортянке нашему, – Лёва кивнул на Виктора, – за критическую ремарку болельщики «Зенита» чуть рожу не подправили, едва уберёгся.

– Чудом повезло, – подтвердил Витя Даль. – Ты ешь, Ритуля, ешь: мороженое тает.

Лида Богарт растерянно смотрела на Лёву.

– Надо же, никогда об этом не задумывалась.

В кафе «Пингвин» врубили музыку, и динамики исторгли из себя неувядающей голос Филиппа Киркорова. Поддерживать беседу стало затруднительно. Лёва Боков, однако, стал витийствовать на международные темы, силясь перекрычать кумира домохозяек.

Под шумок Рита прикончила своё мороженое, но скрепя сердце решила немного посидеть тут для приличия.

Выйдя из машины у своего дома, Игорь привычно огляделся. Взгляд его не обнаружил никого и ничего, выпадающего из общего визуального фона. В подъезде и в лифте ловушка также не таилась. Словом, тишина и покой.

Стоило, однако, переступить порог квартиры, раздались звонки городского телефона. Скинув обувь, Игорь ринулся к трубке.

– Оп-па! – произнёс голос отца. – Неужто я тебя поймал? Фантастика.

Игорь почесал переносицу.

– Брось, я вполне уловим.

– Скромничаешь. Но раз уж ты попался, спешу сообщить: сомнения отпали, Алёна беременна. – Отец замаялся. – Скажи честно: тебя это не смущает?

Игорь прыснул.

– Мужик, ты чё?! В твоём-то возрасте, греховодник!.. Пап, я офигенно рад за вас и за себя. Хочу братика, но согласен на сестрёнку.

– Честно?.. Прости, вопрос снимается. Когда прилетишь?

– Через недельку-другую. Закончу вот дело... Море у вас уже тёплое?

– Через недельку-другую потеплеет. Дело опасное?

– Пап, ты знаешь: я умный.

– Уповаю на это. На пианино упражняешься?

– Не так много, как хотелось бы. Но вот уже второй день в ушах у меня такая тема звучит... умереть и не встать. Блюз из неё сделаю – пальчики оближешь.

– Кулинарный блюз, что ли?

– Типа того.

Они хохотнули, и отец нехотя подвёл черту:

– Ладно, мы с тобой не любим трепаться по телефону.

– Терпеть не можем. Алёне горячий привет.

– И она тебя целует. Буду звонить.

Отсоединившись, Игорь переоделся в шорты. Затем сел за письменный стол, включил диктофон и принялся расшифровывать интервью с Василием Травкиным. Работа была кропотливой: предстояло поглубже вникнуть в экологическую проблематику, отсеять разговорную шелуху и прокомментировать то, что в комментариях нуждается. Игорь знал уже, как построит статью. Оставалось лишь свести концы с концами. Диктофон меж тем воспроизводил интервью реплику за репликой, и в комнату будто проскакивали электрические искры.

Травкин: «Органику в ТБО метнули компостировать, но у ребят обломчик вышел. Оказалось – кто бы мог подумать! – неотсортированная пластмасса портит вид компоста. Наши звездюки помыслить не могли, что почвогрунт из этого компоста...» Зав. химлабораторией (прерывает): «Вась, не мечи бисер. Синьор журналист скучает. Выдай ему сразу,

кто плохой, кто хороший.» Могилевич: «Вы не поверите, но к этому обычно всё и сводится. Но кто сказал вам, Ира, что я скучаю?» Зав. химлабораторией: «Лицо ваше. Посмотрите в зеркало.» Могилевич: «Хватит того, что я смотрю на вас.» Травкин: «Эй, на меня смотрите! Почвогрунт из этого компоста имел некондиционный вид, не говоря уж о духовном содержании. (Смеётся) Это ж надо! Его отказался покупать даже прикормленный Горзеленхоз...»

Игорь выключил диктофон, глубоко вдохнул и выдохнул. И прошёлся из угла в угол. Потом сел за пианино и коснулся пальцами клавиш.

Попса, звучавшая в кафе «Пингвин», терзала уши. Лёва Боков пьянел в экспресс-режиме. И спортмастер Витя Даль, наклонясь к Рите, предложил посидеть где-нибудь в другом месте, вдвоём. В ответ Рита, опять же наклонясь к нему, доверительно прошептала: «Хочу в свой домашний туалет. Вдвоём там тесно.» После такого откровения поддерживать угасающий разговор смысла не имело. Пора было сваливать. Поскольку Лёва продолжал рьяно надираться, а Витя вызвался его охранять, Рита после ритуальных чмоки-чмоки подбросила Лиду Богарт до метро.

Дома Рита первым делом ринулась в душ, но там плескалась тётка, чёрт её дери. Рита постучала в дверь:

– Выходи, Верка! Тут очередь скопилась!

Ответа не последовало, слышался только шум воды. В досаде Рита шмыгнула в свою комнату, разделась догола и принялась набрасывать в блокноте план на завтрашний день: «1. Артюхинская станция. Поговорить с грейферистом (бульдозеристом), нашедшим труп. 2. На...» Швырнув блокнот на раскладной диванчик, Рита выбежала из комнаты и забарабанила в дверь душа:

– Верка, всё равно тебе не отмыться!

Дверь открылась, тётка вышла в махровом халате и с полотенцем на голове. Она улыбалась.

– Рано ты сегодня.

– Может, мне уйти и вернуться позже? – подбоченилась

Рита.

Тётка помрачнела.

– Нельзя ли хоть голой не расхаживать?

Рита прищурилась.

– А что, у тебя пенис возбуждился? – И когда тетка метнулась прочь, вдогонку ей бросила: – Могу ходить в скафандре, только скажи!

Она приняла душ, почистила зубы и, конечно же, прогулялась по квартире нагишом. Тётка, однако, забилась в свою каморку и протестов не выразила. Несколько разочарованная, Рита встала перед зеркалом в дверце шкафа и посмотрела в глаза своему отражению. «Ну как, довольна собой?» – «А ты?» – огрызнулось отражение. – «Слушай, пюре морковное, – осадил его Рита, – не лезь в мою стратегию.»

Тут в комнату заглянула тётка, заколовшая влажные волосы шпилькой и одетая в блёклое домашнее платье. Она выглядела девчонкой, неуверенной в себе.

– Ужинать будешь? Могу омлет с помидорами сварганить, твой любимый...

– Во-первых, я по-прежнему голая, – сверкнула глазами Рита. – Во-вторых, я объелась мороженым...

– Гастрит себе наживёшь, потом язву. Так питаться нельзя.

– Обожаю советы медсестрички из больнички. Моё пита-

ние, тётя Вера, тебя не касается. От твоей заботливости меня тошнит. Это в-третьих. А сейчас я хотела бы...

– Сколько злости в тебе! – простонала тётка. – Что я тебе сделала?

– Сейчас я хочу, – отчеканила Рита, – чтобы сестра моей мамы и любовница моего отца убралась на хрен из моей комнаты.

– Господи, какая же ты... – Тётка исчезла.

Рита захлопнула дверцу шкафа, взяла с дивана блокнот и перечла план на завтра: «1. Артюхинская станция. Поговорить с грейферистом (бульдозеристом), нашедшим труп. 2. На...» Тут она дописала: «2. Набить морду Могилевичу (если завтра явится). Говорят, ещё не били. 3. В 15.00 шашлыки у Аркадия. Что за дела у него с Горводоканалом?»

Зевнув, Рита призадумалась о том, как распределить остаток предстоящего дня.

Глава третья

14 мая, среда

Моросящий дождик не помешал утренней пробежке Игоря, но грозил отменить мероприятие для прессы на шумилинской даче. Это было бы столь досадно, что впору было метлой разгонять тучи.

Игорь позвонил Шумилину по пути в мэрию. «Дворники», сгребая со стекла дождевые капли, открывали взору мутный автомобильный поток.

– Привет, Аркадий! – произнёс Игорь в телефон. – Как спалось?

Шумилин тенорком матюгнулся.

– Чего надо? Без предисловий.

– Хочу к тебе на шашлыки. В качестве дружественной прессы.

– Да пошёл ты, Могилевич... – Вновь последовали матюги.

– Аркадий, дорогу на твою дачу я знаю. Хорошо проведём время.

Возникла короткая пауза.

– Какого, собственно, фака? – осведомился бизнесмен.

Обогнав рефрижератор, Игорь проскочил на жёлтый свет.

– Прудом твоим полюбоваться хочу. Недохнут ли в нём рыбки. – Услыхав удивлённый возглас, Игорь развил интригу: – В связи с этим разговор к тебе имею. Приватный.

– На тему?

– О сделке твоей с Горводоканалом. И с Хохловым, с соседом твоим, мне желательно встретиться. Поможешь – будешь в шоколаде.

После паузы, более продолжительной, Шумилин хмыкнул.

– А ты не боишься, что...

– Не-а!

– ...что пацаны мои тебя отмудохают?

– Сказал же: нет. Лишь бы дождь не поломал твоих планов. Меня это расстроит.

– После двенадцати, по прогнозу, – хохотнул Шумилин, – будет солнечно. Приезжай в плавках. – Он отсоединился.

Когда Игорь добрался до мэрии, часы на его запястье показывали 9.35. Народу при входе и в окрестности было предостаточно, притом на лицах большинства людей застыло выражение деловой озабоченности. Видимо, сами стены и потолки мэрии создавали необходимый душевный настрой.

То ли «настрой» Игоря не соответствовал обстановке, то ли утро выдалось неудачное, но секретарша заммэра (судя по голосу в трубке, дама почтенная) в приёме отказала. Не спросила даже имени (что было странно) и отсоединилась. Игорь позвонил ей снова, назвал фамилию, профессию и цель визита – секретарша отказала опять. Теперь это было хоть понятно. У Ильи Михайловича плотный график, заявила дама, приходите в конце месяца. Могилевич, однако,

дозвонился в третий раз, пообещал устроить хиппиш и про-
рваться с боем. На это секретарша ответила: «Сейчас к вам
выйдут.»

Ждать пришлось минут десять. В это время на мобиль-
ник Игорю позвонил редактор и сообщил, что его, Могиле-
вича, желает лицезреть майор Мельникова, возглавившая
следственную группу вместо капитана Кирко. Новая метла,
стало быть, приглашает свидетеля Могилевича к себе на ко-
вёр.

– Свидетеля? – удивился Игорь.

– А фигли ж! – буркнул Толян. – Я говорю: «Вызывайте
повесткой.» А она: «Зачем? Мы просто побеседуем.» – «В
таком случае, – говорю, – почему бы не побеседовать в ре-
дакции?» Майор Мельникова вдруг согласилась. То есть она
и зампрокурора Малеев придут к нам в полпервого. Суме-
ешь подрулить?

– Ни за что не пропущу, – усмехнулся Игорь. – В полпер-
вого буду как штык.

– Избегай пробок. – Фролов отсоединился.

И в сей же миг Могилевич узрел того, кто послан был
урезонить настырного журналюгу. Симпатяга лет под сорок,
стриженный ёжиком, со скучающей миной направлялся к
Игорю, будто хорошо знал его. Посланец был в костюме и
при галстуке, но под его респектабельным прикидом легко
угадывалось тренированное тело. Пластично лавируя меж
снующими людьми, господин этот приостановился для обме-

на приветствиями с кем-то из сослуживцев, и Могилевич, немешкая, «щелкнул» его сотовым телефоном. Так, для профилактики. Посланец, похоже, манёвр журналиста заметил, но не обеспокоился. С той же скучающей миной он подошёл, протянул руку и представился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.